

Амрита Альгома

Простая История

роман

ТОМ 4

18+

Амрита Альгома
Простая История. Том 4

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Альгома А.

Простая История. Том 4 / А. Альгома — «ЛитРес: Самиздат»,
2003

ISBN 978-5-5320-9700-1

В мире Джефа существует только ответственность. Там нет радости или веселья, нет спокойствия и любви - есть только ДОЛГ. Но ему встречается Николь, которой угрожает смерть. И вся полнота выполненного долга не может ее спасти. Лишь любовь и доверие. Нужно только поверить...

ISBN 978-5-5320-9700-1

© Альгома А., 2003
© ЛитРес: Самиздат, 2003

Содержание

Часть вторая	5
26	9
27	19
28	28
29	36
30	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Часть вторая

Том 4. Allegro assai

Джеф едва дождался, когда Клод над его ухом скажет: "картинку запомнил" и позвонил Николь. Её слова оформились в нём за время дежурства во что-то нервное. Он в нетерпении постукивал ногой, в ожидании, пока пройдёт вызов, потом, волнуясь слушал гудки. Она спала, он разбудил своим звонком. Её сонный голос был неожиданно таким спокойным и уютным, что и Джеф вдруг успокоился сам. Николь сказала в ответ на его вопросы: "Что? На тот свет? Я так сказала? Ты спятил, Джеф?! Я спокойно подожду пока смогу сдать экзамены – вряд ли папа не станет меня пускать на них. А потом мы уберёмся отсюда. И оставь меня в покое, я спать хочу". Джеф засмеялся над её полусонным негодованием. Спи, моя любовь, спи, моя девочка. Впервые за последние дни он завалился спать со спокойным сердцем. Едва продрал глаза перед обедом позвонил снова, чтобы сообщить, что он в состоянии разговаривать и просто чтобы услышать её голос. Николь была явно в плохом настроении. Похныкала в трубку и общий фон их беседы был окрашен в такой чёрный цвет, что Джеф задумался: что ей принёс этот день? Позвонил Марине, чтобы выяснить это, поскольку Николь ничего не отвечала на эти вопросы.

С Мариной можно и не искать приличных слов для объяснения озабоченности. Марина ясно понимала его с полуслова, только он был не очень-то уверен, что она уже успокоилась сама – последняя их беседа закончилась не на таком мирном уровне, как хотелось бы Джефу. Марина ответила, но, услышав его голос, мгновенно накалилась добела. Он постарался с максимальной скоростью и откровением рассказать о своём беспокойстве, но уверенности, что Марина услышала его в своей обиде, у него не создалось. Марина спросила его, что он намерен делать и голос у неё был такой же, как тогда, когда она приехала к нему впервые, после посещения Эммы. На все его завуалированные попытки напробиться в гости, чтобы повидаться с Николь, Марина только фыркала в трубку. Наконец выдала, поинтересовавшись весьма сердито:

– И что, вы полагаете, что я как-то могу помешать вам посетить Николь?

Просто шикарно. Он представить не мог, как она видит эту ситуацию, но такое странное приглашение окончательно лишило его покоя.

Хотелось тут же кинуться к Николь и ему было жаль, что он не позвонил Марине раньше.

Марина отключила телефон вне себя от злости. Что он от неё хочет? Официального приглашения? Интересно только, как с позиции этики будет смотреться её приглашение? Но выходило, что она всё равно пригласила Джефа, фактически пообещав ему свидание с Николь дома – как можно иначе понять её слова? И теперь, злясь сама на себя, она бродила весь вечер по дому, размышляя о последствиях, потому, что Майк просто похихикал в трубку, заявив, что она поступила правильно. И тут же добавил, что его правила поведения, правда, не всегда согласуются с общепринятыми. Разве можно утешиться таким утверждением?

Джеф прилетел наутро, наверное даже не успев толком отоспаться после дежурства, потому, что у него был очень усталый вид. Марина попросила пригласить Николь и устроилась в кресле наблюдая за ними. И когда она увидела, как Николь бегом слетела вниз по лестнице прямо в руки Джефа, как она приникла к нему, у Марины появились некоторые мысли для раздумья.

Она смотрела на них, отмечая все мелочи их общения в своём сознании. Они откладывались картинками, как отдельные кадры, которые ей нужно отретушировать. Ей даже понравилась такая мысль: усилить цветность или убрать царапины и лишнее с кадра жизни, развернувшегося перед ней. Она смотрела на Джефа и Николь отстранённо, словно откуда-то сверху: как эти двое обнявшись стоят возле перил, что-то тихо говоря друг другу, с какой нежностью

Джеф обнял Николь, как непрочно и привычно она прикинула к Джефу, какое у него лицо, глаза, когда он смотрит на неё. Марина поудобнее устроилась в кресле, откинувшись на спинку и закинув ногу за ногу. Раз ему можно было развалиться, когда она его не пригласила сесть, значит и ей можно сидеть тут мрачным ментором. Она и сидела спокойно поглядывая на них. Они что-то говорили друг другу, Джеф однажды провёл ладонью по щеке и шее Николь и жест этот был настолько нежно-интимным, что Марина почувствовала, как стало легко и тепло у неё где-то внутри. Она раздражённо повела плечами, но не отвернулась, решив, что, пожалуй, её мысли – это её проблемы. Сразу, видимо из-за сходства с Джефом, вспомнился Майк. С его спокойствием и ироничностью. С его бесхитростным восхищением. С его глубокими глазами и седыми волосами. С его повелительной мягкостью, которой она никогда не находила в Томе.

Марина заставила себя сидеть на месте, но разозлилась, обнаружив в себе столь отчётливое желание и сочла, что ей срочно тоже нужен свой Джеф. Она готова была со стыда треснуть пополам, если бы кто-то догадался о её мыслях. Оказалось – неприятно признаться самой себе в подобных ощущениях. Наверное, это в ней говорит возраст. Она вдруг разом постигла и усталость Джефа, и его скрытую в глубине глаз боль. Ей стало жаль его, потому, что показалось, что для Ники эта разлука прошла легче.

И Марина поспешила ретироваться, надеясь, что эти двое догадаются убраться из холла куда-нибудь.

Сидя в библиотеке и тупо глядя в выключенный экран, Марина размышляла: странно – как это Том не видит любви Джефа к Ники. Подумав о Томе, она сразу вернулась к своему быту, забыв о сказке любви дочери. Почему по отношению к Тому она не чувствует того, что появляется в её душе при виде Майка? Как так получилось, что она вышла замуж за Тома, считая, что она любит его, но никогда не чувствовала к нему ничего подобного? Может быть, она просто разлюбила Тома, раз он не является для неё желанным мужчиной? Тогда какая же была у неё любовь к нему? И когда она кончилась? И как может любовь кончиться, это же просто абсурд!? Она возрастает и её рост неизбежен, как приход нового дня. Тогда почему она не видит возрастания своей любви, а видит только скуку? Может она просто не умеет любить? А может и Том тоже не умеет любить? Как такое может быть – они же чувствуют, сопереживают друг другу, общаются? Как могло так получиться, что они с Томом не умеют выразить друг другу свою любовь? Хотя Майк её уверяет, что она обворожительна и нежна, и никто его так, как она, не принимал. Наверное, это страшно – услышать такое вне семьи. И не менее страшно не услышать такого в собственной семье.

Она уткнулась в свой компьютер, забыв его включить и горько плакала, отражаясь в немой темноте монитора, пока совсем рядом с ней щедро изливалось счастье.

Джеф и Николь были так заняты, что совсем забыли о Марине. Джеф только отметил частью сознания, как она ушла, сопроводив её уход мгновенной вспышкой благодарности. Радоваться присутствию Николь находясь рядом с унылой Мариной было трудно. Он почувствовал себя свободнее без сердитого её внимания. Время летело. Джеф просто кожей чувствовал его течение, как ветер во время гонки. Нежно взяв лицо Николь в ладони и проводя пальцами по губам, по щекам, тихо сказал:

– Что ты себя изводишь? Сама же сказала: терпеливо подождёшь, когда сдашь экзамены.

– У меня странно скачет настроение, – пожал плечами Николь, рассматривая его глаза близко. – Как так получается, не знаю. Вроде бы всё нормально, но вдруг как накатит тоска, или страх – и я не знаю, просто, что делать.

– Звони мне.

– Тогда я расстрою тебя. Я же и так с тобой всё время ругаюсь.

– Не страшно. Зато я буду знать, когда на тебя накатило.

Это было смешно и Николь засмеялась.

– У меня для тебя есть сюрприз, – сказал Джеф. – Завтра принесу.

– Ко дню рождения? – Поинтересовалась она.

– Нет, перед днём рождения, так, мелочи, – теперь засмеялся он, подумав, что такой сюрприз трудно завернуть как подарок.

Они сходили на кухню, потому, что Джефу захотелось пить и Николь рассказала, как она нарычала на маму, когда папа демонстрировал ей свою власть, забрав провода от машины и прохаживаясь по её спине.

Джеф поинтересовался, не разлюбила ли она после этого оливки. Николь только хмыкнула в ответ. Они посидели на кухне, потягивая ананасовый сок с печеньем и подшучивая друг над другом: настроение у обоих поднялось до шуток. Марты ещё не было и тут было достаточно уютно. Тут их и разыскала вернувшаяся из библиотеки Марина. Она не повеселела, но явно успокоилась и больше не злилась. Стала только почему-то ещё грустнее. И Джеф подумал, что нужно будет узнать у неё: что не так. У неё финансовые неприятности или она просто тревожится из-за Николь?

Марина подпёрла плечом стену возле двери и уронила:

– Сейчас придёт Марта, готовить обед. И скоро приедет Том.

Николь с сожалением проводила Джефа, не отпуская его руки.

– Я приеду завтра, – пообещал он.

– Пока, – вздохнула Николь. – Я тебя жду.

Она привычно перекрестила его и постояла в промозглом дверном распахе, не замечая холода и с неожиданной болью глядя, как он садится в "Дьявола" оглянувшись на неё и махнув на прощание рукой. Поднимаясь по лестнице услышала звонок и влетела к себе, гадая кто это.

– Что, бегом бежала? – Подкусил её Джеф.

– Это ты! – Перевела она дух.

– Больно у тебя вид был печальный, когда я уходил, вот и звоню, чтобы поднять тебе настроение, – она услышала в трубку, как он щёлкнул зажигалкой.

– Опять куришь? – Поинтересовалась Николь.

– Что, слышно? Я с утра не курил, чтобы тебе не было противно. – Он засмеялся.

Вечером к ней зашёл Том. Постоял, оглядывая стены, снова увешанные портретами и картинами, но ничего не сказал на эту тему. Николь было всё равно, скажет, что он или нет. Посещение Джефа вселило в неё какую-то отчаянную храбрость. Что может быть хуже тех побоев и оскорблений, которые ей выпали от её отца? К тому же сегодня он трезв. Значит, с ним можно говорить. Это от пьяного бежать надо сломя голову. Хотя он, помнится, и трезвый устраивал сцены похлеще любого пьяного. Она торопливо сбросила по электронной почте последние два теста по химии и с нетерпением наблюдала, как тает густая синь на кружочке отправки, молясь про себя, что бы папа снова не протворил что с машиной. Наконец проценты отправки добежали до нуля, и она облегчённо подняла глаза.

– Можешь радоваться, – заявил он. – С четверга я буду отвозить тебя в школу и забирать из школы, чтобы ты не пропускала.

– Я и сама в состоянии дойти до школы. – Сообщила ему Николь.

– Как я сказал, так и будет! – Прикрикнул Том, разглядывая теперь её.

Сегодня ему позвонила миссис Джонс. Поинтересовалась, не изменились ли планы Николь по поводу сдачи экзаменов экстерном, чем весьма изумила Тома. Он и понятия не имел, что Ники так рвётся из школы, что исправила все свои огрехи – ясное дело, с хвостами экстерном ничего не сдашь. Теперь он понял значение брошенной ею фразы: "очень мне нужен средний диплом, что, я не человек, что ли?!".

Николь вскочила, услышав, что он повысил тон, вытягиваясь в струнку перед ним и белея от злости.

Сказала намеренно тихо, как Джеф, раздувая ноздри:

– Послушай, папа. В школу я буду ходить сама и не позволю больше выставлять меня на посмешище, как ты это сделал крайний раз, а если ты будешь настаивать, то я обращусь в определённые службы и мне плевать на последствия! Следы не моей спине ещё не прошли и их вполне хватит для обвинений. Я больше не позволю тебе вести себя со мной так, как ты привык.

– Что ты сказала? – Изумился Том.

– Я с тобой ссориться не хочу, – пояснила твёрдо Николь, – но я сыта по горло своей прежней жизнью. Уйди отсюда. Ты вторгаешься в моё пространство. Это моя жизнь, что ты в неё лезешь?

Она спокойно взяла его за плечи и с неторопливой мягкостью заставила выйти из комнаты. Тома довольно рискованно вот так хватать неожиданно и вынуждать делать, то что не в его планах. Но ей было плевать. Как ни странно, он уступил.

– Настаиваешь, что это твоя жизнь? – Засмеялся он по дороге, – да пожалуйста! Настаиваешь на самостоятельности, давай! Только не хнычь потом, когда вместе с правами получишь полный пакет ответственности.

– Ты опоздал, – проинформировала Николь и серьёзно окинула его взглядом, закрывая двери. – Я свой пакет с ответственностью уже распечатала.

26

Она провозилась с тестами почти полночи. Хотелось сделать всё побыстрее, но всё равно осталось ещё три по физике и всего один день в запасе.

Почувствовав, что глаза сами закрываются она рухнула на постель даже не выключив машину. Сквозь сон слышала, как пробивается в сознание спокойствие музыки, иногда казалось, что слишком громко, но встать и выключить сил не было. С утра подскочила в дикой спешке, когда взвыл будильник. Вскоре папа стукнул в дверь и подёргал ручку, но она не открыла.

Пусть идёт. Ещё три теста! Она торопливо перелистывала страницы учебника, в тех вопросах, которые у неё были явно слабоваты. Какая она была дура, что так прогуливала! Чего, спрашивается, добилась? Сплошные дыры в голове! Эта физика – настоящий абстракционизм, ничего не понять.

Марина, обеспокоенная тишиной в комнате Николь, тоже дважды стучала к ней, но когда Николь крикнула из-за двери: "отстань мама!" запаниковала окончательно. Ники вчера не обедала, сегодня не вышла завтракать. Правда, у неё в комнате был сок, который отнесла ей Марина вечером, потому, что она попросила, но разве это еда? Она, вконец измотанная своим беспокойством, позвонила Джефу, невзирая на ранний час. Он приехал через полчаса и поинтересовался, расстёгивая куртку у двери:

– Что-то случилось?

– Не знаю! – Нервно сдавливая пальцы, ответила Марина. – Ники сегодня даже не вышла. Вчера у неё был Том, что-то там кричал на неё. Хотя и недолго, но всё же. Потом сказал, что она его вытолкала из комнаты. Я не знаю, что у них произошло, она даже разговаривать со мной не хочет.

Джеф бегом взлетел по лестнице, забыв раздеться у входа. Марина торопливо поднялась следом: он стучал тихонько. Ему ответила тишина. Взглянул на Марину.

Она чуть пожала плечами и вздохнула.

– Ники! – Окликнула она с несчастным видом.

– Ники, открой, – сказал чуть погромче Джеф.

Щёлкнул замок, дверь распахнулась, Николь упала ему в руки, забыв о тестах. Ура! Он приехал! Она обхватила его руками и некоторое время молчала, прижавшись к нему.

Джеф хмуро погладил её по спине и взглянул на Марину. Она печально смотрела на Николь. Почувствовав, как он сверлит её глазами, окинула его взглядом, повернулась и пошла к лестнице. Его поразило это молчаливое одобрение. Он сделал пару шагов вперёд, не выпуская из рук Николь и вошёл в комнату. Она отпустила его, щёлкнул, снова закрываясь замок. Марина, услышав этот щелчок на лестнице, покачала головой, приподняв плечи.

Она только что объявила войну Тому.

Её злость на Джефа давно прошла, уступив грустному признанию: Николь теперь ей не принадлежит. Если раньше Марина и играла в команде Джефа, то только ради дочери: ей не хотелось огорчать Ники. Это совсем не означало, что ей не нравился Джеф, но маленькая надежда, что когда-нибудь увлечённость её ребёнка Джефом пройдёт, всегда оставалась где-то в глубине души Марины.

Теперь пришло осознание – Николь действительно выросла, и больше не нуждается в ней. Вот это было непереносимо.

Томясь при мысли о бесполезности своего труда все эти годы, Марина боролась со всё сильнее прораставшем в душе убеждением, что Николь нашла своё будущее. В нём Марина не видела себе места. Но и защититься от этого она тоже не могла. Она не чувствовала себя настолько храброй, чтобы просто взять и высказать все эти размышления мужу. Нет, ни за что!

Он так взбесится, невообразимо. Начнёт воевать на оба фронта, в этом она не сомневалась. Он перемелет в мелкую крошку саму Марину и её никто не защитит. Джеф ему не по зубам. Он может надавить и на Николь, но похоже, Николь так просто не сдастся. Марина почти физически сейчас ощущала её неуязвимость. Оставалось только и Марине надеяться на такую же поддержку Джефа. Ей вдруг пришло в голову, что она всё что у неё есть, просто взяла поставила на одного человека, которого фактически знает от силы полгода.

Джеф, даже не услышал звука закрывшейся двери. Когда он попал сюда впервые, здесь всё было в картинах и рисунки Николь лежали в нескольких папках на столе. После того, как она увезла к нему свои картины, которые теперь окружали его в квартире, он точно знал: она завешала все стены плакатами. Пожалуй, в этом тоже проявлялся её страх одиночества. Марина сказала, что Том намеренно снова оголил её комнату, поубирал со стен все лица и пейзажи. Теперь он, изумлённый, стоял и оглядывался, пока Ники стягивала с него куртку.

Вся комната её была в рисунках: акварели, масло, пара марин и карандашные наброски. Портреты. И Джеф. Вот он стоит, вот Джеф сидит, вот в "башне" вот просто лицо, вот ещё, и ещё, и ещё. Почти не дыша, он огляделся, поражаясь культовости этой комнаты. Николь торопливо снимала его портреты. Это было знакомо: развесить вокруг лицо того, кто тебе интересен.

– Извини, – оглянулась она на него. – Раз тебя рядом нет, то хоть портреты твои видеть. Мне ещё нужно сделать тесты по физике, а я не успеваю.

Она снова села за машину, изредка оглядываясь на него. Но тесты теперь не шли – Джеф же пришёл!

Он же, почти сразу забыв о портретах и замерев на месте, упёрся взглядом в чёрное небо и белую землю на холсте, разглядывал богатство синих земноводных. Щедрыми мазками, где едва обозначенные, где тщательно изображённые, они нахально лезли в глаза, блестя желтоватыми пятнами на синеве скользких округлых бородавчатых боков. Джефа смущала неприкрытая откровенность этого изображения. Его сон, овеществлённый настолько, производил такое кошмарное впечатление, что Джеф почувствовал боль в сердце.

Глаза отвести от холста удалось с трудом.

– Тебе нравится? – Стеснённо спросил он, указывая взглядом на картину и досадуя на себя: разве такое может нравиться?

Что с ней было, когда она писала ЭТО?

– Это? – Спросила Николь, кинув взгляд на подоконник, весь заставленный красками, растворителем, кистями и возвышающимися над всем этим жабами, закреплёнными на подрамнике. – Скажешь тоже. Разве такое может нравиться?

– Зачем тогда?..

Она только тряхнула головой – надо же было как-то избавиться от них.

Он смотрел ещё некоторое время на непросохший выброс энергии, потом перевёл взгляд на неё. Осмотрел её всю, сидящую перед монитором, картинку на экране, отодвинутую клавиатуру, книги, разложенные на столе, раскрытые, лежащие одна на другой.

– Давай помогу, – предложил он, сразу найдя себе занятие и отбросив некомфортное зрелище на задворки сознания.

– Разве это можно было оставить в себе? – Николь приглядывалась к выражению его глаз. Похоже, он не очень её понимал. Она объяснила: – Это работа. Эмоции. Когда тебе плохо, ты лечишься работой, сам ведь так говорил? Вот и я. Это неприятно, лежит внутри меня, ворочается, а перенесёшь на холст и сразу легче. Если тебе неприятно смотреть, можно просто сжечь.

– Нет. Оставь, – отстранённо предложил Джеф, уже явно поглощённый тестом на экране, усевшись на край её постели и придвигая к себе клавиатуру. Нажал пару раз на курсор, чтобы поднять изображение и посмотреть, что там у неё было вначале.

Но объяснил:

– Не смотреть неприятно, а просто сон был плохой.

Николь некоторое время следила, как он проверяет её тест. Сначала просто автоматически исправил пару формул. Потом напечатал ответ, удалив кусок её текста, понемногу явно увлекаясь этим делом.

– Так тебе действительно приснились такие жабы? – Недоверчиво спросила она.

– Действительно, – тревожно сказал он, поворачиваясь к ней и обшаривая глазами с растущим вниманием её лицо. – И синий цвет во сне – к болезни. Побереги себя, пожалуйста, Ники. Я очень беспокоюсь.

Он снова взглянул на этих жаб и Николь подумала, что надо убрать их с глаз долой или повернуть, что ли, чтобы не мозолили мозги.

Она смотрела на него молча, впитывая его тревожность и понимая её. Потом тихо шепнула в слабой попытке утешить:

– Ну, сейчас-то я тут, с тобой!

Джеф вздохнул, обнимая её и отворачиваясь от холста. Отодвинул клавиатуру, сохранив исправления.

Они помолчали.

– От тебя пахнет табаком, – сказала, немного спустя, Николь.

Джеф засмеялся смущённо:

– Да, извини. Боюсь, я снова всерьёз начал курить. Смолю днями без остановки. Не беспокойся, я брошу. Тебе неприятно?

– Наоборот. Вернее, когда курят мне не нравится: тяжело дышать. Но вот так, только напоминание о том, что ты курил, приятно. Запах от тебя такой... Необычный. Даже определения нет, просто нравится. Не бросай до конца, если сумеешь.

– Нравится? – Изумился он. – Странные вкусы. – И засмеялся снова.

Действительно, странно. Для него табачный дым всегда отсутствие чего-то необходимого. Одиночество. Когда ему нужен был отец, в детстве, за закрытой дверью он чувствовал только дым, потому, что открытое окно вытягивало не все туманно-тяжёлые плети. Это острое ощущение лишённости необходимой симпатии так и укоренилось. Потом, конечно, отец бросил свою диссертацию, выходил из самозаточения, но необходимость в нём тогда у Джефа уже пропадала.

– Совсем нет. – Николь закрыла глаза и медленно потёрлась о его щёку лбом вверх-вниз, задевая носом шею. – Очень, знаешь ли стимулирует, даже холодно где-то внутри. Хотя для тебя курить вредно вообще-то.

Они посидели рядом, болтая о всякой ерунде. Потом взялись за тесты. С Джефом делать уроки одно удовольствие: сразу всё стало понятно, просто, ясно и в голове моментально уложились все темы, по которым она тестировалась. Джеф проверил её первый тест, который она уже собиралась отправлять. К её удивлению почти всё было правильно, если не считать её торопливых описок и одного неправильного ответа. Когда они сбросили всё по почте, Николь почувствовала себя свободной птицей на целые сутки. Послезавтра первый экзамен и вместе с ней сдаёт только отличничек Райан, Тамара и Грег, которого она подбила за компанию пойти с ней, чтобы не торчать у монитора под пристальными взглядами на пару с Райаном. Экзамен сдавать было страшно, Николь так и пожаловалась, но Джеф посоветовал, посмеиваясь:

– Подумай об этом завтра.

Иногда, стукнув в дверь, приходила Марина. Забрала куртку Джефа и пустой стакан из-под сока, стоящий на столе, так и не унесённый вечером на кухню. Николь не протестовала, с неохотой открывая Марине дверь и снова усаживаясь на колени Джефа. Она не отодвигалась от Джефа при входе мамы, не смущаясь и не создавая секрета из того, чем они заняты. От этой простой болтовни обоим стало гораздо легче. А может тут работало сознание выполненной работы. Когда над душой не висят несданные тесты становится веселее.

Марина заглянула в третий раз и, не заходя, напомнила, что уже скоро пять часов. И тут же исчезла.

Николь встала и закрыла дверь на ключ. Вернулась к Джефу.

– Бедная мама, сама не знает, куда ей деваться. Я устала от её инспекций.

Джеф не ответил: им теперь ничего не надо было говорить друг другу.

Спокойная радость легла на плечи обоих, погружая в тишину и безвременье. Это спокойствие не нарушало ни их перемешанное дыхание, ни нетерпеливая ласка, ни нежная настойчивость рук. Спокойствие плавало в них, обдавая брызгами смеха. Куда только исчезла мрачность и дурные предчувствия? Джеф, успокоенный, теперь мог дать сам себе отчёт в том, насколько сильно его будоражили, возбуждали все мелочи комнаты Ники. Он забыл здесь обо всём: что пришёл сюда отдать ей ключ, что у ворот стоит "Дьявол", сообщая всему кварталу: Джеф Коган здесь. Осталась одна Николь. Она была красива, желанна и он вдруг осознал, насколько желанен может быть он сам. Это было такое пронзительное прозрение, всеобъемлющая радость, хотя и сбивала немного непривычность обстановки.

Марина считала секунды, когда же вслед за ней выйдет Джеф. И только по прошествии пары минут, она поняла: Ники его не отпустит. "Марина! Ты влипла, как курица в желе! Попробуй ты теперь его выгони!" сказала она себе. Пришлось, скрепя сердце, покопаться в куртке Джефа в поисках ключа. Потом она несколько минут набиралась решимости, поглядывая на часы. Бесполезно. Ждать точно было бесполезно! Вконец обеспокоенная, она послушала тишину у двери Николь и, подумав, вызвала бригаду из автосервиса. Для проведения техосмотра машины. Когда техник забрал у неё ключи от "Дьявола" и уверил её что через сутки машина будет готова, передав ей визитку с адресом, Марина почувствовала облегчение.

Стояла у окна, глядя, как приехал грузовичок и, подцепив автомобиль, быстро утащил от ворот особняка. Теперь можно было быть уверенной в том, что, вернувшись, собственный муж не взбесится, наткнувшись на машину Джефа у своих ворот.

– Мне пора идти, – сказал со вздохом Джеф, вставая. – И машина у ворот стоит.

– Я тебя никуда не пущу. Подожди секунду, – вдруг испугавшись и вцепившись в его плечи, сказала Николь. Бросилась в спешке в ванную, выглянула в окно: оттуда были видны ворота. Быстро вернулась.

– Нет там машины.

– Как нет?

– Вот так. У ворот пусто. Там никого нет, кроме папы. Он только что подъехал.

– Ну вот, мы опоздали, – облегчённо засмеялся Джеф.

Машину трудно не заметить. Значит, можно больше не врать. Но Николь тут же рассеяла эти надежды.

– Раз машины у ворот нет, значит, мама вышла из положения. О! Ты ещё не знаешь. Она большой мастер наводить порядок, – и добавила, глядя на него. – Придётся тебе сидеть тут безвылазно.

– А может, его просто угнали? – Предположил Джеф шутливо, понимая, что Николь права и пытаюсь припомнить, не было ли в салоне чего важного.

Вроде нет: после сегодняшнего раннего подъёма, у него был плодотворный забег по магазинам. Он отвёз подарок для Николь, оставил упаковку прямо на постели, рядом бросил чеки. Документы у него всегда с собой. Ладно. Пусть всё будет, как идёт. Всё равно это старая машина: восемь лет – столь преклонный возраст, что такие вещи нужно сдавать антиквару. Ему не хотелось менять "Дьявола" просто потому, что в нём пришлось кое-что переделать самому, что он не счёл нужным доверить фирме во время сборки автомобиля. И делал это Джеф под себя, с учётом особенностей своих привычек и симпатий. Это была хорошая машина, честно послужившая в паре приличных передраг. И хорошо хранившая его жизнь, которую

он в своё время так желал уничтожить. Майка, помнится, всегда удивляло его пристрастие к такого рода технике – ему нужно что-то более броское и фешенебельное: он большой любитель пустить пыль в глаза и никогда не ценил рациональной упрощённости в вещах. Может, пришло время "Дьявола" сменить? – всё равно переоборудование салона не соответствовало теперь им с Николь, да и электроника уже морально устарела: машина, рассчитанная на одного не может удовлетворить обоих.

– Зато Стив-то как будет доволен! – Сказал он. – Стив мои автомобильные вкусы всегда терпеть не мог.

– Да нет, спорим, ты всего лишь остался без ужина, а не без машины, – Николь задумчиво хмыкнула. – Сейчас ты посидишь в шкуре Ромео.

– Не хотелось бы, чтобы это продолжалось слишком долго. Хочется жить своей жизнью. – Усмехнулся Джеф, смиряясь.

И засмеялся.

Николь медленно провела по его щеке ладонью и ему вдруг захотелось обнять её, уткнуться лицом в её волосы.

– У тебя есть на диске что-нибудь хорошее из музыки? – Враз охрипнув спросил он, пытаясь отвлечься от внутренней дрожи и успокаивая себя. – Роммштайн или ещё что?

– Сейчас поставим, – серьёзно пообещала Николь.

– Ты прости, – мягко сказал он. – Я недалновидный тип. Давно брился.

Она тихонько засмеялась.

– Мне нравится. Колючий.

Пришёл волшебный вечер: минут сорок им пришлось играть в старые игры, чтобы снять напряжение и скованность. Потом, когда территория была освоена, Джеф почувствовал себя свободнее. В малюсенькой комнате Николь нашлось немало интересного. Они щедро отдавали друг другу ту нежность, которая помогала дышать и жить в разлуке, потом Николь устроила экскурсию по своей жизни, вооружившись парой толстых альбомов, которые извлекла из нижнего ящика встроенного шкафа.

Было интересно наблюдать сквозь глянец фотоснимков перетекание детства во взрослость. Это было совсем не то, что на видеопленке: фотография невероятно меняет лица, запечатлевая один, неуловимый глазом, миг. Некоторые кадры, сделанные дедом, Джефа просто впечатлили. Родственников обычно так восхищает собственное чадо, что они почти не задумываются о художественном оформлении своего восхищения.

Джеф, лежа на постели Николь, разглядывал её фотографии, как картинки хрустальной сферы, смущая Николь своим придирчивым вниманием. Как хороший аналитик, он изучал проявление фамильного сходства, даже независимо от своих желаний, просто неосознанно наблюдал, как оно проступало и преломлялось в чертах Марины и Николь. Насколько было видимо в снимках восьмилетней Николь и восьмилетней Алины.

Вся эта простая жизнь на берегу озера, запечатлённая увлечением деда оформлялась перед ним. Это было хорошее упражнение для мозга накануне дежурства. Он высказывал свои заключения Николь, изумляя её.

Марина спокойно встретила Тома, но обедать отказалась, сославшись на головную боль. Её нервировало присутствие Джефа наверху: собственные прогнозы ближайшего будущего вызывали в ней только беспокойство. Скрыть его от Тома было бы бесполезным делом: даже не будучи слишком наблюдательным, он по двум-трём фактам, бросившимся в глаза, мог сделать достаточно верный вывод. Марина никогда не знала какой результат может запрограммироваться у него.

Она забралась в ванную и Том, с досадой покрутившись у двери, ушёл обедать один. Он толкнулся было к Николь, но постучав и потолкав дверь, не услышал привычно-насмешливого "вперёд". Николь, наверное, и не слышала его, занятая прослушиванием своей дикой

музыки. Сидя в столовой и листая положенный возле тарелки старый журнал, он не анализировал почему его все бросили: ему на это было не до того. Гораздо более важные вещи тревожили. Назрела необходимость ввести в команду профессионального инженера – хватит пользоваться услугами наёмников. Перелистывая знакомые страницы с примерами программ, он обдумывал эту идею, рассматривая её с разных сторон. Потом пошёл в кабинет – не хотелось, чтобы кто-то вторгся в размышления, а в библиотеку могла спуститься Мери.

Там стало уже не до тишины дома и не до недовольства Мери, которое он никак не мог постичь. Он сделал только маленький перерыв, вспомнив, что оставил свою записную книжку в костюме. Пришлось подняться наверх. Проходя мимо комнаты Ники, он подумал, что надо к ней заглянуть, раз уж они не виделись с утра. Но из её комнаты всё ещё доносилась музыка, такая же тяжёлая и Том уже привыкший не лезть в комнату Ники, если она заперлась на замок, прошёл мимо. Времени на ссоры с ней не было совсем: его ещё ждало много работы. Неудивительно, что его дочь такая неврастеничка: слушать такую дрянь. Даже у коров от рока молоко пропадает, что говорить о людях. Бедняга Ники, совсем сдвинула себе крышу. И ведь попробуй запрети. Он вернулся назад, попыхивая сигарой, забыв обо всём, как только в его руках оказались нужные пометки: и о Ники, и о спящей Мери. Просидел в кабинете до трёх ночи.

А Николь утопала в счастье. Рядом был Джеф. Он явно сначала чувствовал себя не в своей тарелке, пытался контролировать себя ухаживая за ней. Спрашивал удобно ли ей, хорошо ли она лежит, не тесно ли так, что ей хочется, чтобы он ещё для неё сделал. Николь ничуть не раздражали эти вопросы – она находила их абсолютно естественными, и сама спрашивала примерно то же. Они так соскучились друг по другу, что напряжённость их не сразу оставила обоих и в этих вопросах Николь ощущала его желание сделать её счастливой. Она с удивлением сердито уловила какую-то странность в себе, и Джеф явно чувствовал этот налёт досады. Вряд ли этому виной была незапланированная разлука, ей словно мешало что-то внутри неё. Признаваться Джефу не хотелось, хотелось, чтобы ему было хорошо. Но он явно ощущал её недоумение: Николь чувствовала, как он притормаживал себя, потом замедлился и совсем остановился ещё до того, как она с лёгким стоном шепнула: "что-то не так".

Джеф непроизвольно прикинув время действия биологических часов Николь – действительно что-то не так.

– Что не так, жизнь моя? – Тревожно спросил он и, узнав, что ей просто больно, утешил: – Не бойся. Я ничего плохого тебе не сделаю. – Решив про себя, что нужно обязательно выяснить, что именно не так.

Его утешение Николь насмешило: она и так знала, что Джеф ничего плохого ей не сделает. Ей не хотелось причинять боль ему, что она ему тут же и выложила. Джеф нежно засмеялся в ответ:

– Думаешь, я не придумаю способ, который устроит нас обоих?

Осторожно переместил Николь, не выпуская её из рук, так, чтобы ей было удобнее.

Как у него так всегда получается? Даже самая настоящая проза жизни становится чудом. И ведь, кажется, он не прилагает к этому никаких усилий.

Он просто поражал её своей чуткостью. Она не ожидала, что может такое богатство ощущений родиться от присутствия Джефа рядом и заполняющей её маленькую комнату "Nebel" когда она, забросив все мысли и опасения, и просто доверилась ему.

Николь посматривала на него изредка и видела, насколько он соскучился по ней. И нужна была ему она сама, а не как возможность развлечься, не как человек, перед которым можно продемонстрировать свои таланты. Первое удовлетворение настигло его почти мгновенно, но он не отдалился, хотя явно сразу захотел спать.

Посмеиваясь над собой, поставил на круг на её компьютере полусимфонические роммштайновские инструментовки, сказав, что ему нужен ритм. Плыл над ними тяжёлый голос,

поддержанный богатством электронного звучания. Николь не раздражала неторопливая нежная методичность Джефа – наоборот, его размеренная неторопливость очень подходила сегодняшней ночи. Обычно, при их прежних встречах скрыто присутствовала какая-то недоговоренная, просто по умолчанию, защита друг друга. Они всегда оба старались не напоминать друг другу о времени. Здесь же, запершись в маленькой комнате Николь, они, как ни странно, почувствовали себя свободными, оба: Николь видела это, наблюдая за Джефом.

Он был явно привычно захвачен спокойствием и чёткостью музыки – она помогала ему сочетать движение и паузы. Николь представить не могла о чём он думал, целуя и лаская её, да и не размышляла об этом, просто наслаждалась его мощным присутствием, его ладонями, его нежной силой. Её беспокоила собственная медлительность, но Джеф ухитрился заставить её забыть и об этом. Он осматривал её с таким восхищением, с такой плавной лаской делал ей массаж, что тревожные, да и не тревожные мысли улетучились. Николь облегчённо наблюдала, как он загорается и ювелирно сдерживается, с поощрительным удовлетворением помогая ей разрядиться и это выражение удовольствия в нём было красноречивее всех слов. Ничего больше в жизни ей не нужно было, кроме неизменной надёжности Джефа, поразительной и пронзающей всю её душу. Сначала ей всё хотелось спросить, о чём он думает, но с каждой минутой это любопытство отступало всё дальше после каждого взгляда Джефа или его поцелуя. Их обоюдное спокойствие не нарушил даже вопрос Джефа не больно ли ей, когда он оглядывал её спину, исследуя взглядом длинные синева-сиреневые дорожки от проводов, заканчивающиеся круглыми петлями на рёбрах. Николь только покачала головой, но Джеф явно щадил её, постоянно помня об этих шрамах и о внутренней неясной боли, которую она испытывала. Когда-то, рассказывая ей о своём детстве, он однажды сказал, что его никогда не били дома. И сейчас он вдруг сказал, что хорошо понимает, что такое побои – его была жизнь во взрослом возрасте. И, может, лучше, если бы его лупили дома, как Стива, чем получать такие затрещины как он, будучи усатым дядей. Взрослому тяжелее переносить житейские тычки.

Николь не согласилась с ним. У неё было своё мнение о воспитании. Далеко не всех учат воспитывать детей, но все стремятся их иметь. И храбро переносят свои детские воспоминания на воспитание собственных малышей. Если посмотреть, как кто-то воспитывает своего ребёнка, сразу можно догадаться как воспитывали этого человека и что с ним было в детстве, даже когда человек отталкивается от противоположности. Некоторые так не приемлют поведения родителей, что стараются действовать наоборот, но и тогда их методы всё равно являются зеркальным отражением, противопоставляются родительским и легко вычислить, какое воспитание они получили сами – жёсткое или мягкое.

– Сногшибательная теория, – сказал Джеф. – Хотя мне нравится. И как ты собираешься воспитывать наших детей?

– Никогда их и пальцем не трону, – с горячностью сказала Николь.

– Спорный вопрос. Это хорошо говорить, когда детей нет, но знаешь сколько родителей готовы побыстрее отлупить своё чадо, лишь бы оно замолчало, – усмехнулся Джеф.

– Так ты приверженец английского воспитания!?! – Возмутилась Николь. – Полагаешь, кто жалеет розгу, тот портит ребёнка?

– Ни в коем случае. Розга розге рознь, – смеясь, покачал головой Джеф. – Воспитание это всего лишь переключение внимания. Оно почти бесполезно само по себе. Тут проблема терминологии. Ребёнок уже рождается со своим характером. Его нужно только обучить жить в этом мире. А это образование, но никак не воспитание. А образование весьма успешно обходится без розог. Просто использует неудовлетворительные оценки.

– Я тебя не понимаю, – заявила озадаченная Николь. – Откуда тогда берётся масса того отребья, которое заполняет тюрьмы и идёт на электрический стул, или живёт себе припеваючи, не пойманное.

– Это как раз и есть представители никудышного образования, которых научили ошибочным правилам общежития, основанным на эгоизме, а не на любви к ближнему. Ты же сама говорила, что в каждом есть добро, нужно только уметь смотреть. Знаешь, что меня поразило, когда я лечился от заикания? Что даже самый последний кретин будет прекрасным исполнителем на каком-либо музыкальном инструменте, если его научить. Добро, как и музыка, связано с внутренней сущностью человека, напрямую с душой. И любой человек на них отзывается.

Николь только вздохнула.

– Что-то моё умение смотреть на людей с позиции любви даёт последнее время серьёзные сбои сразу в нескольких направлениях.

– Ты просто увлечённо смотришь только в одну сторону, – улыбаясь, сообщил ей Джеф, проводя ладонью по её плечу.

– Скажи ещё, что тебе это не нравится! – Усмехнулась Николь.

Так, пересмеиваясь, они и заснули в конце концов, забыв начисто о времени, дрожащие от усталости, обняв друг друга. Николь проснулась на рассвете. Джеф спал рядом, привычно закинув правую руку за голову. Она приподнялась на локте, чтобы лучше разглядеть его. Он лежал тихо, лицо спокойное, тени от длинных ресниц на щеках. Его размеренное дыхание было таким сонно-длинным, пока она рассматривала каждую его чёрточку: прямой нос с несколькими тёмно-жёлтыми веснушками, ровные линии бровей, лоб с тонким шрамом у корней волос, убегающим вверх и прячущимся в кудрявых прядях.

Джеф!

Она легко могла представить себе, каким он был малышом, каким мальчишкой, каким подростком. Даже не потому, что она все его детские фотографии помнила наизусть, а просто в его лице просматривались эти детские черты. И то, что он сейчас стал таким, каким она увидела его впервые и полюбила, было почти грустно, потому, что сразу приходил на ум тот тяжёлый путь, который ему пришлось пройти. Вот эти горестные морщинки возле рта: говорят, морщины появляются от смеха. Почему же тогда они выглядят так печально? А длинная морщинка на лбу: может, она появилась от того, что он морщил лоб от напряжения, когда ему вставляли спицу в правую ключицу? А эти две складочки над переносицей? Джеф, если обеспокоен, всегда сводит брови вместе. Может, и складочки появились тогда, когда уехали родители? Белая неровная ниточка шрама напоминала о том, насколько он тонко изучил себя и как усилием воли "гасит свои вазомоторы", как он сам выражается.

Джеф лежал под её взглядом, не шевелясь. Потом он медленно вытащил руку, нашёл Николь на ощупь и обхватив за плечи, потянул к себе.

– Так ты не спишь? – Тихонько засмеялась она.

– Почувствовал, что ты на меня смотришь, – он открыл глаза.

Николь поддалась покладисто его мягкой настойчивости, устраиваясь на его плече и блаженно потягиваясь. Джеф уютно хмыкнул, прижимая её к себе сильнее...

Перебирая пальцами его волосы, она шепнула:

– Я хочу так просыпаться, именно так, всю оставшуюся жизнь.

– Скоро так и будет – без тени сомнения уверил её он, поднимая голову.

– О чём ты вчера думал?

– Когда?

Она засмеялась, не отвечая и он признался:

– Не думал. Не мог. А потом – о тебе. Что наша жизнь в тумане и ты мой свет.

Он устроился рядом, подпихнув подушку повыше. Николь с интересом окинула его взглядом.

Она была счастлива, весела и возбуждена. На дежурство Джефу нужно в ночь. Впереди почти весь день – ему надо выехать отсюда не позже шести. Если на "Дьяволе". А если на такси, то раньше. Значит, впереди всего только день. Джеф вздохнул и Николь, мгновенно

угадав причину вздоха, тоже погрузилась. Отгоняя мысль о разлуке, улеглась на грудь Джефа, положив подбородок на правый кулачок. Провела пальцем по его лбу, по носу, потрогала губы.

– Что ты делаешь? – Спросил он, наблюдая за ней.

– Стараюсь тебя запомнить, чтобы было что вспоминать, пока тебя нет рядом.

– Мне сегодня приснился сон, – сказал, немного сумрачно Джеф, разглядывая задумчиво и ласково склонённое к нему её лицо.

Николь! Глаза с тонкими жёлтыми прожилками возле зрачка и маленькой чёрной точкой на правой радужке, тонкий нос, с весело вздёрнутым кончиком, лёгкие голубоватые тени вокруг глаз: кажется, сегодня он не дал ей выспаться. Она молча ждала продолжения, доверчиво опершись на него. Джеф медленно провёл ладонью по её волосам, наслаждаясь их шелковистой гладкостью.

Начал рассказывать:

– Война. Закончилась уже, ещё идут бои кое-где, но не у нас. Здесь тишина, разрушенные дома, новое кладбище среди полей. Земля покрыта пеплом. Уныло вокруг и радость в сердце. Люди, измождённые, со светящимися лицами. Работают из последних сил над восстановлением разрушенного. Мой самолёт – обычный биплан, только грузовой, этакий синтез прошлого и будущего, как всегда бывает во сне. Самолёт фанерный, обтянут почему-то фольгой и когда летишь в крыльях отражается солнце. Внизу: сочно-зелёные квадраты, перечерченные жёлтыми полосками дорог. Сверху я смотрю вниз и вижу, там, у нас, на освобожденной территории притаилась вражеская база: среди зелёных квадратов – чёрное мазутное пятно. Люди, цистерны с горючим, техника. Суeta началась, когда появился в небе я, начали всё затягивать камуфляжем: ещё немного и исчезнет, растворится на земле под прикрытием маскировки эта грязь и я их потом не найду. И мерзкое ощущение бессилия: у меня, ни боеприпасов, ни бомб, связь не работает, а когда я вернусь будет поздно. Тогда я решил, что единственный выход: заставить их обнаружиться. Надо их напугать. Самолёт тяжёлый, решат, что опасен, начнут стрелять, их сразу вычислят. Развернулся и захожу, как для бомбежки. Внизу засуетились, расчехлили пушки, давай палить по мне. Раза три над ними прошёл, в пробитых фанерных листах ветер засвистел, потом все-таки серьёзно подбили, пришлось тянуть домой. Далеко. Хвост за мной чёрный, огоньки пламени языками. Сажу в кабине, ворочаю штурвал и ощущаю за спиной огонь. Кто-то был там со мной, в этом самолёте, боролся с огнём. Успешно, видимо, раз не сгорели. Куда-то он потом делся, помощник этот невидимый. Но я сел. Ходил возле самолёта, глядя его – он превратился из красивой лёгкой машины в гору мусора – прикидывал, можно ли вернуть его к жизни. И вот странно, вроде всё в порядке: противника обнаружил, задание выполнил, самолёт посадил, а злость от бессилия осталась. Словно вина моя, что этот самолёт больше не взлетит. Хоть и красиво это было до боли сверху: зелёно-жёлтая карта. Порой встречаются облака – небольшие и округлые, как барашки. Свист ветра, ощущение полёта.

– Ты хотел бы летать? – Тихо спросила она.

Он коротко и тихо выдохнул носом, как хмыкнул.

– Теперь не знаю. Столько лет прошло... Но... Да, наверное.

Джеф всё так же задумчиво смотрел на неё. Медленно пригладил её взлохмаченные волосы. Его руки едва касаясь скользили по щекам Николь, дотрагивались до кончиков бровей, уголков губ. Она разглядывала его нахмуренные брови, вдруг потемневшие глаза, тонкие складки возле у рта. Он сказал тихо:

– Мне очень не нравится положение, в котором мы оказались. Терпеть не могу неточностей. Сам стал лжецом, тебя вынудил врать отцу. Ещё и Марину втянул. Неприятно, – он поджал губы, чуть покусывая их и качнул головой. – Это пачкает наши отношения, понимаешь?

Николь молчала, обеспокоенная его словами. Её глаза совсем загрустили. Он улыбнулся.

– Не унывай, – он пропустил пальцы в её волосы, наслаждаясь ощущением их лёгкой прохлады в ладонях. – Не могу так больше. И расстаться с тобой, даже на сутки, не в силах.

Я теперь без тебя просто жить не смогу. Ночью кончится моё дежурство. В пять буду дома. Утром приду к родителям просить твоей руки. Через пять дней тебе восемнадцать лет, у тебя экзамены начинаются. Сдашь и уедем. И будь, что будет. Не могу так больше, правда.

27

Николь обняла его, прижавшись лбом к его груди. Джеф, глядя подбородком её шелковистую макушку, оглядывал комнату. Когда она успела убрать синих жаб?

– Хочешь есть? – Поинтересовалась Николь вместо ответа, как будто её согласие с его планами и не требовалось.

– Ещё бы. – Подтвердил он, улыбаясь.

Это было стоящее предложение.

– "Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви"?

*(Песнь Песней). – напомнила, посмеиваясь, Николь и Джеф решил, что она повеселела.

Засмеялся облегчённо тоже – значит, его план принят.

– Я сейчас не удовлетворился бы и слоном, – признался он. – Мне нужно вылезти из подземелья и пойти повиниться перед твоими родителями.

– Нет уж. Не бери мою вину на себя, – погрозила ему пальцем Николь.

– Да оба хороши, – сообщил ей Джеф. Осторожно приподнял её, подтягивая ближе к себе. – Иди-ка сюда.

Поцеловал. Немного отстранился, разглядывая её своим улыбочивым взглядом.

– Вообще-то знаешь, зачем я к тебе пришёл?

Николь смотрела вопросительно.

Наконец-то сюрприз?! Ну-ну.

– Отдать ключ, – сказал он, посмеиваясь.

– Что же это такое! – Возмутилась Николь. – И это всё!?

Отдать ключ, надо же!

– Ты вместо того, чтобы громогласно негодовать, лучше спроси – какой?

– На меньший, чем от твоей души, не согласна, – отрезала она.

– А он и есть от моей души и от жизни тоже, – признался Джеф.

Дотянулся до груди своей одежды, вытащил джинсы и порывлся в карманах. У него там оказалось много интересного: неполный батончик мятной жевательной резинки, мятый старый ресторанный счёт, длинненький футляр, похожий на футляры для часов. Джеф подвинул его к Николь, сказав:

– Это вообще-то тоже тебе. Так, мелочь. Надеюсь тебе понравится.

Она открыла его, пока он продолжал свои поиски: Джеф в джинсах – сразу ясно, он нуждался в утешении, когда одевался. Футляр не поддавался, а потом вдруг распахнулся разом, вытряхивая содержимое. Действительно, мелочь.

Браслет. Очень красивый. Это был серьёзный подарок. Ей тоже захотелось подарить ему что-то, но всех её карманных денег вряд ли хватит на что-то дорогое. И что дарить, интересно? Что-то, чем он пользуется каждый день. Но не бритву же! Фу, такая проза! Запонки? Да у него все рубашки с пуговицами.

Что дарят мужчинам перед свадьбой? Часы? Нет, нельзя – часы к расставанию. Письменные наборы? Органайзер? У него всё в компе. Зажигалку? Джеф не курит. Нет, теперь курит, но он же сказал, что бросит. Смысл тогда дарить зажигалку? Вместо ручки у него электронная записная книжка, и часы он, кстати, не носит, потому, что они вечно у него ломаются. А время есть и в записной книжке.

Джеф пробормотал: "О! Вот," запуская руку в задний карман.

"Он носит галстуки каждый день!" – Осенило Николь, пока она смотрела на него. Надо ему подарить серебряную булавку для галстука, на это её карманных денег точно хватит. Джеф достал пару длинных резных палочек с болтающимся футбольным мячиком: брелком-свистулькой.

Николь застряла на выдохе.

– Ты мне принёс ключи от твоего дома? – Воскликнула шёпотом, изумлённая, принимая в сложенные ладони увесистое сокровище.

Посмотрела на него. Он, улыбаясь, снова откинулся на подушку, наблюдая за ней, потом помог надеть браслет, который она крутила в пальцах. Прикрыл глаза на её тихое: "спасибо", целуя мягкими губами её руку. Хрипловато извинился вместо ответа:

– Боюсь, что рояля ты там теперь не найдёшь.

– Я его потом у тебя заберу, – не задумываясь отмахнулась Николь, поворачивая ладонь под его поцелуями и рассматривая его движения.

– Но мебель там найдётся. Мы ничего не вывезли, – утешил он её, согревая дыханием её кожу. – И даже кое-что вернули назад: комп с твоими файлами и содержимое библиотечного стола.

Она некоторое время молчала, взглянула на ключи, потом зажала связку в кулачок и оперлась на грудь Джефа.

– Почему ты его не продал? – Спросила она серьёзно.

– Ты же не хотела?

– Я не говорила.

– Говорила. Я хотел его продать. Ты не хотела. Я видел. Не беспокойся: я поймал всех зайцев без моральных потерь.

– Это как? – Непонимающе поинтересовалась Николь, хмурия светлые брови.

– Я его продал. Ты его купила, – сообщил Джеф. – Всё совершенно законно.

И засмеялся.

О-о, как тут у него всё устроено...

– Боже! – Шепнула она, моргая побыстрее, чтобы слёзы не помешали. – Как я его хотела купить! Но денег матери мне бы точно не хватило, а просить у Майка я не могла. Мне неудобно было предлагать тебе продать его. И всё равно без тебя там плохо.

– Спасибо. Премного благодарен за признание, – с шутливой чопорностью склонил голову Джеф. – Иди сюда. Я хочу получить оплату. Мне причитается поцелуй. Откровенный и стопроцентный.

– Где мой нескучный поцелуй, да?

– Вот-вот, – согласился он. – Я уйду на дежурство и не смогу вырваться, что бы хоть взглянуть на тебя. Значит, "нескучный поцелуй"? Хорошее название. Ёмкое, – Джеф снова засмеялся, склоняясь к ней. И вдруг спросил тихо: – Ники, а если ты беременна?

– Скажи ещё, что ты не хочешь, чтобы я родила тебе сына!

– Очень хочу, но вряд ли со мной будет согласен твой отец.

– Зато тогда он не будет против нашей свадьбы. Ну, что у тебя за разговоры! Перестань. Лучше поцелуй меня.

Николь, обняв его, заставила его перекатиться на кровати.

– Эй-ей, поосторожнее, – взмолился он, ёрзая и хихикая от играющих на его ребрах пальцах. Чего-чего, а щекотку ему переносить иногда было трудно. – Ты, домовладелица, не погребись себя под грудой мышц.

– Груда мышц, ха, скажи уж честно: мешок с костями! Сплющенный от голода.

– Нет, не согласен. До Стива мне, конечно, далеко, но я не доходяга.

Николь засмеялась.

– Ах! Какие нежности по отношению к своей персоне.

Если они не согласятся выдать её за него замуж, размышлял тем временем Джеф, глядя как она прыгает по комнате, придётся копаться в законах, может, всё же есть где поблажка? Хотя, после окончания школы никаких претензий никто не предъявит. Но надо будет потрясти Майка, он сейчас должен хорошо в этом разбираться, не зря же протирает иногда штаны в

мэрии. Вот и пусть ищет информацию о прецедентах. И Кайл поможет, изобрёл же он обходной путь, когда разводил с Эммой. А если уж совсем никак, тогда – да, придётся уехать. Трудно, правда, будет: ему ещё довольно ярко помнилась его ностальгия на Окинаве. "Ерунда. Выживешь" – сказал он сам себе.

Потом Ники заявила, что она хочет есть и если сейчас же не закинет что-то внутрь, то у его дома не будет хозяйки. И моментально исчезла, отправившись на поиски еды и захватив его сорочку, чтобы постирать. Ему тоже собственный желудок скромно напоминал о своём существовании. Вот тяжесть заключения: в ресторан не позвонишь. Джеф встал и отправился в маленькую ванную, поскольку всё равно надо было потихоньку собираться. В тесной, залитой солнцем комнате он уставился на себя в зеркало, проводя рукой по щетине. Как Николь это терпит? Сказала, что ей нравится. Такая колючка? Пошутила, наверное, чтобы его не обижать. Он придиричиво окинул своё отражение в зеркале, поморщился. Что же, о вкусах не спорят. Обшарил её полочки. Ничего, кроме щадящего депилятора. Всё ясно. Где бы она вчера вечером нашла ему бритву? Вот впредь и наука: бриться надо на ночь. Джеф засмеялся. Депилятор его даже не расстроил.

Ванная, не такая большая, как внизу в комнате для гостей, смотрела единственным окном в парк. А вот комнатка Николь выходила окном на соседский дворик с пустой клумбой, в которую заехали они с Томом.

Джеф потянулся, отмечая, что есть слабый ветер. Вздохнул.

Значит Николь высматривала его однажды ночью из окна в ванной. Солнце запуталось в ветках деревьев, высвечивая резкие тени. Джеф с грустью отмёл вспыхнувшее желание набрать полную ванну и поблаженствовать хоть десять минут. Увы! Придётся отложить удовольствие до конца смены. Впрочем, и это его не расстроило: всё его тело пело под маленькими пузырьками счастья, искрящимися в нём. Завтрашнее утро можно будет встретить сидя по шею в своем бассейне, отчищаясь перед грандиозным визитом. Заглянула в ванную Николь, подразнила его бритвой, но так и не отдала, пока он не поймал её за талию и не отнял силой, отвлекая поцелуями и боясь, что она порежется. Где она так быстро её раздобыла, у Тома, что ли?

– Сегодня у Стива очередной аврал – сообщил он, намыливая посильнее щеки: Николь забыла принести крем для бритья. – У него Нора летит в Европу.

– Знаю, она сказала, – покивала Николь, сидя на краю ванны и болтая ногой.

Рассматривала, как он бреется.

– Эти её "Парижские каникулы" вечно вгоняют Стива в депрессию, наверное, он просто не любит отбывать повинность в виде родительских собраний. – Предположил Джеф. Добавил, прикасаясь бритвой к лицу и чуть повернув голову. – Да ещё Харт заболел. Стиву его замещать придётся. Может и мне... – И замолчал, надув правую щёку и скользя лезвиями по коже.

Ему всегда нравились дети Стива – двое мальчишек-погодок. Настоящие разбойники. Осенью второй пошёл в первый класс той же школы, куда ходит и первый. За эти пять с половиной месяцев Стив успел выплатить полную стоимость трёх окон. Джеф мысленно усмехнулся. Интересно из-за чего его вызвали сегодня? Кстати о детях! Он вдруг представил Николь с малышом на руках: это было бы прекрасное зрелище. Взглянул на неё, на миг прервав своё занятие и вдруг отчётливо понимая, что впервые пожелал видеть кого-то матерью своих детей. И впервые подумал о Николь, как о будущей матери. Это было такое острое понимание, как игла, почти злобящее.

Она тут же взглянула ему в глаза с лёгкой тревогой, словно пытаясь угадать его мысли. Сказала тихонько, погладив его по левой руке, которой он опирался о раковину:

– Пойду, принесу нам побыстрее что-нибудь перекусить. А то ты так на меня посматриваешь, что того и гляди порежешься.

Джеф засмеялся. Закончил бриться. Залез в душ.

Стоял, наслаждаясь то холодом, то жаром воды, развлекая тело переключением крана. Вспоминал Николь, думая о её сногшибательной красоте. О невероятном блаженстве от ощущения под ладонями её гладкой кожи, бархатистой и нежной. О мягком перетекании линий её тела, ласкающем взгляд. С какой лёгкостью она его забрасывала в состояние томительного счастья, что он шептал её имя подрагивающим голосом, не с силах успокоить сердце.

Вот так. А ты думал всё просто, эх ты, Медведь!? Есть любовь, нет любви?

И без любви люди женятся, и образуют семьи, и живут? Брак – предприятие, создаваемое по расчёту! Бедные люди. Если они не постигли Любви, им не понять взаимности. А может так и должно быть: чтобы мужчина был старше женщины и намного? Хоть и говорят, что старого кота новым шуткам не научишь, но всё же жизнь ведь учит чему-то? Способен, значит, учиться и мужчина? Когда он становится более понимающим, более терпимым, более открытым? Джеф был уверен, что в свои двадцать пять он был так эгоистичен, что мог просто не заметить такого подарка в своей жизни, как Николь. Воспринял бы как должное. Она тут же появилась, словно услышала его мысленное обращение к ней. Заглянула в ванную, призывно махнула ему рукой, сказала что-то, неслышное за струями душа. Джеф внял зову и вылез, мокрый, голый, потянулся, встряхиваясь. Ему было приятно здесь, словно это был его дом. При всём обманном появлении тут, при всей нелегальщине ночёвки, он был счастлив. Безмерно, с непозволительной роскошью, просто по-хамски счастлив.

Они уселись с Николь на кровати по-турецки, полуодетые и весёлые. Кормили друг друга сладкими блинчиками и сыром с оливками. Совсем невозможная смесь.

– Ты же не любишь сыр? – Посмеиваясь, спросил он.

Посматривал на неё, словно о чём-то размышляя.

– А это сыр? – удивилась она. – Я не заметила.

– Что значит компания, – глубокомысленно отметил Джеф. – В приятной компании топор слопаешь и не заметишь.

– А то, – согласилась Николь. И тут же отметила: – По идее к нашей французской трапезе не хватает только вина. У меня настроение какое-то праздничное.

– Праздник – это хорошо. – Джеф покивал головой. – А вино – нет уж. Дежурство. И я за рулём, – и хлопнул себя по лбу. – Вот чёрт! Я забыл про "Дьявола"! – И он засмеялся.

Его охватило странное облегчение. Интересно, что Марина с ним сделала?

В дверь постучали. Николь подпрыгнула и открыла. С сорочкой Джефа вошла Марина, приехавшая после ланча домой. Том исчез сегодня ни свет, ни заря и, когда Марина добралась до офиса, секретарь Тома сказала, что всё счета, доставленные утром, она уже передала Тому. Это Марину удивило. Какие ещё счета? "На гоночную машину из автосервиса", – недоумённо объяснила Анджела. Шеф всё просмотрел и велел оплатить, что она уже и сделала. Но странно, когда Марина заглянула к Тому, он ничего ей не сказал. Наоборот, весело сообщил, что нашёл заказ и очень хороший. Правда поработать придётся очень плотно, но если за две недели справиться, то можно будет хорошо отдохнуть летом. Она оставила его в мечтах и работе, озадаченная и встревоженная. Поехала домой, потому, что у Тома на ланч деловая встреча и когда она садилась в машину в гараже, Том с Анджелой уже уехали.

– Жуете? – Улыбнулась Марина, стараясь скрыть свою нервозность. Повесила одежду на спинку стула. Разборки с Томом всего лишь отложены до вечера. – Простите, Джеф, я распорядилась вчера вашей машиной. Вызвала бригаду из автосервиса – не могла же я загнать вашего "Дьявола" в гараж.

– А я уж надеялся, что вы его продали, – пошутил он, комично вздыхая.

– Увы, боюсь, ваши надежды не оправдались, – принуждённо засмеялась Марина. – А что, вы так сильно хотите, избавиться от этого автомобиля?

Это было забавно. Марине точно не быть продавцом автомобилей. Можно подумать, это так просто: избавиться от штучного экземпляра, сделанного на заказ, пусть даже устарев-

шего, но тем не менее оставшегося несбывшейся мечтой любого автолюбителя. Всегда найдутся ценители, готовые купить такую легенду.

Но на это уйдёт далеко не один день.

Джеф качнул головой.

– Нет, пожалуй. Я там кое-что переделал, под себя. Раньше я такие вещи ценил, но сейчас он мне мозги не затмевает. Старая уже машина. Если честно, больше надеялся, что Том теперь в курсе, что я здесь ночевал.

– Он всё равно в курсе, – теперь вздыхать пришла очередь Марины.

Николь сидела молчком, смиренненько, переводила глаза с Марины на Джефа. Наблюдала встревоженную маму. Рассматривала смущение Джефа.

– Понимаю, в какое ложное положение я вас поставил, – он нервно сминал пальцами салфетку и не замечал этого. – Как можно скорее постараюсь исправить столь неприглядную ситуацию. Если можно, я хотел бы нанести вам с мистером Гордоном официальный визит, чтобы побеседовать с вами.

– О, конечно, пожалуйста, – насторожилась ещё больше Марина.

Ну вот. Посыпались неприятности, мало ей всего предыдущего. Том сегодня будет весьма недоволен. Не дай Бог устроит скандал. А тут ещё Джеф с подобными просьбами. Она посмотрела на Николь. О чём это он хочет поговорить? Ники, кажется, знает. Может, это вообще её идея. Какой-нибудь бред, вроде погостить у Джефа. Или опять озеро? Спросить у него причину визита было неудобно при Николь. Ладно, посмотрим, всё равно за минуту ничего не сделаешь. Остаётся только ждать вечера и молиться.

– Я, собственно, зашла только сообщить о машине, чтобы вы вовремя вызвали такси. Мне пора идти, – кивнув им обоим одновременно, она вышла. Работы было ещё выше головы.

Нахмурившись, Джеф проводил её глазами, размышляя. Перевел взгляд на Николь.

– Кажется, мама не очень то довольна моим поведением? – Спросил он у неё. – Какой-то у неё вид... Словно она не в своей тарелке.

Николь засмеялась, быстрым жестом поочередно проиграла пальцами в воздухе полгаммы.

– Ты просто её ещё не очень хорошо знаешь. Мама беспокоится из-за папы, а не из-за тебя. Если бы она не была вполне довольна тобой или если бы она хоть чуть-чуть сомневалась в правильности своего поступка, уверяю тебя, и ноги бы твоей тут не было.

– Надеюсь, что так оно и есть.

Джеф уже встревоженный тоже, теперь почти не находил себе места. Он не мог понять, что его беспокоит. Словно Марина, уйдя, унесла с собой всё его спокойствие и умиротворённость. Обычно, когда приходило решение, всегда становилось легче. Но сейчас непонятное тревожное ожидание чего-то неизвестного просто снесало его.

– Знаешь, Ники, – неожиданно сказал он, застревая на многоточиях, хмурясь и пытаясь классифицировать это ощущение. – Если вдруг какое случайное событие... или настроение такое будет..., что тебе плохо станет совсем, ты можешь заглянуть дома в сейф в библиотеке, ты видела, когда я его открывал. Код – имя Николь, если пронумеровать алфавит по порядку. Пятнадцать, десять и так далее. Понимаешь? Там все документы. И код потом смени, слишком прост.

Она медленно кивнула, неотрывно глядя на него. Джеф приглядывался к её вниманию с беспокойством. Да что это с ним такое, в самом деле?

– Мне надо идти.

Николь, заражённая тревогой, приникла к нему.

– Я тебя жду, – шепнула она.

– Уже? – Попытался усмехнуться он.

– Уже. И всегда, – она почти неслышно вздохнула. Он ощутил всем телом её вздох. – Приходи скорее.

– Да, мэм, я приду, – шутливо откозырял он.

Они вызвали такси, чтобы Джеф успел добраться до вокзала. Он спускался по лестнице, прикидывая: к девяти он должен пройти медосмотр. Да плюс два часа на дорогу – это такси, не "Дьявол", за сорок три минуты не долетишь. И ещё пробки, куда без них? У ворот тормозил "кадиллак", пристроившись в хвост такси. Том. Всё правильно, время: почти половина шестого. Джеф поцеловал Николь и осторожно прикрыл дверь. Столкнулся нос к носу с Томом у ворот.

Они поприветствовали друг друга, посверлив глазами, и Том спросил, усмехаясь:

– Куда бежишь?

– С восьми – медосмотр, – спокойно объяснил Джеф.

– Я думал: – от меня драпаешь, – хмыкнул Том. – К обеду я сегодня опоздал, жаль, а то составил бы мне компанию.

Не понятно было, шутит он или грустит.

– Лучше я завтра придрапаю и составлю компанию – проинформировал Джеф. – На ланч. Николь сказала, что ты на ланч дома будешь.

– Ну, давай, приходи. Смотрю я – ты без колёс сегодня.

– Боюсь, я остался без них ещё вечером, – пожал плечами Джеф.

– Видел, как же. Что ж, профилактика тоже нужна.

– Так-таки видел? – Заинтересовался Джеф.

Ну, Марина, наивная.

– Счёт видел. Там всё что надо: дата, время, – объяснил Том.

Джеф захохотал. Да, видно не у него одного нет никаких способностей ко лжи.

– Дежурство закончится когда? – Спросил Том.

– В три ночи, – ответил Джеф, испытывая и тревогу, и облегчение одновременно. – Николь здесь не причём. Я сам заявился.

– Хоть бы обедать со мной вчера спустился, поросёнок. – Том буркнул это, словно сам себе. – Из-за всех этих бабьих выступлений мне пришлось сидеть в одиночестве.

И он направился к дому. Джеф посмотрел на его опущенную голову и сел в машину. Вот так. Марина спряталась. Понятно, почему у Николь нет уверенности в них. Критические ситуации они держат не так хорошо, как хотелось бы.

Всю вторую половину сегодняшнего дня его душа была не на месте. Он, наконец, сумел обозначить, назвать, дать имя своему ощущению – ожидание неприятности. Наверное, что-то ждёт Николь. У неё завтра первый экзамен. Может, он просто слышит её опасения? Даже его тренированный, полностью занятый работой мозг не мог избавиться от прожилок тревоги, вплетающихся в расчёты. Дежурство, достаточно спокойное подходило к концу, когда стало известно, что жену Клода увезли в госпиталь и ему нужно было присутствовать при родах. Клод спешно собрался и уехал, даже не успев сменить Джефа. Мало заболевшего Харта, надо же.

Стив быстро пересмотрел резервы группы, но всё равно, расписание сбилось.

Джеф видел, как решал ситуацию Стив: мгновенно прикинул и оставил тех, на кого точно мог положиться, чьи ресурсы здоровья он знал досконально, поэтому им с Адамом пришлось работать ещё несколько часов, сидя вместо подменщиков для группы Хартли, пока Стив демонстрировал свои таланты руководителю группе сменщиков. Когда Джеф наконец выбрался на залитую солнцем площадь было почти десять. Он договаривался с Николь, что позвонит утром и его молчание смотрелось явно нехорошо. Хоть бы к ланчу к ним успеть. То, что назад его повезёт Стив на своей машине, Джеф даже не сомневался. Неплохой получится у Барреля сегодня крюк. Накатается, хоть бы не заснул за рулём.

Шагая рядом с ним по мокрому асфальту к стоянке, Джеф настучал номер Гордонов. Трубку поднял Том и выслушав его, неожиданно спокойным тоном сказал, что да, конечно, они его ждут.

– Не беспокойся, мистер Коган – насмешливое дружелюбие его тона почему-то ещё больше нервировало Джефа, наводя на всевозможные предположения. – Если тебе удобнее, то подъезжай к обеду. Как раз тогда вернётся из школы Ники. Она сегодня вышла из засады. Думаю, мы плодотворно побеседуем.

– Спасибо, – сказал Джеф отключаясь.

Лучше бы она сидела дома! Плевать на экзамен, можно же, наверное, было перенести? Он торопливо набрал Ники, сам себя уговаривая – ну что может случиться?

– У меня перемена, – сообщила она. – Конечно, всё в порядке. Конечно, сдала. А ты что, сомневался? Конечно, рада. Конечно, сразу домой, после этого урока. Джеф, да что с тобой? Я думала, ты уже у нас.

– Пришлось посидеть на подмене. Сейчас еду, – пообещал он, глядя, как Стив, сворачивает к общественной стоянке к своему синему чуду. Чёртов Баррель! Поставил машину возле поля! – Но пусть тебя до дома проводит Грег, слышишь, Ники! Не смей ходить одна!

– Хорошо! Хорошо, раз ты так хочешь, я не пойду домой одна.

Удивлённая Николь пыталась понять, что его беспокоит, то насмешничала, то уговаривала его, пока, наконец, не прошептала страшным шёпотом:

– Все! Звонок!

Джефа всё равно, несмотря на её уверения, колотила какая-то нервная дрожь.

Стивовский мощный БМВ был под стать самому Баррелю: такой же объёмный, обстоятельный, устойчивый и комфортабельный. Продуманность этой техники Джефа всегда просто впечатляла. Но для него самого этого было мало. Его "Дьявол" не слишком уютен: узкий салон не предусматривает наслаждения поездкой. В сущности, Джеф всегда понимал, что поражающие воображение виражи на двенадцатицилиндровом моторе, к которому случайно прикрепили кузов, скорее подходит для безумных любителей шокировать публику, чем для серьёзного главы семейства. Но Джеф и был тем самым любителем шокировать публику, даже сейчас. Его легендарный спорткар трудно назвать безупречным, но он вызывал восторг, а дизайн и власть "Дьявола" завораживала и всегда манила обратно. Он не обращал внимания на то, что на гоночной не прокатиться с удобствами: все они принесены в жертву скорости – "Дьявол" мог лететь со скоростью двести восемь миль (335 км/ч). Неудивительно, что в нём, кроме хорошего движка, руля и сидений, трудно найти удовольствия для сибарита. Но сейчас, ради Николь, стоило подумать и о большем комфорте. Джеф уже давно не ездил со Стивом и теперь, с интересом разглядывая белизну этого варианта изнутри, прикидывал, а не купить ли ему вместо "Murcielago" вот такой широченный и надёжный БМВ, когда придётся продать "Дьявола". В этом случае денег точно хватит и не надо будет изворачиваться или, что ещё хуже – трясти Майка.

– Смотри, совсем весна, ночью дождь прошёл. – Сказал Стив, Оглядывая небо, взлётное поле, заборчик вокруг автостоянки и свободные места для парковки. Оглянувшись, усмехаясь на то, как Джеф поднимает воротник. – Что, Медведь, замёрз? Тебе вроде и не к лицу!

– Ты, верно, к шкуре хотел сказать? – Отшутился Джеф, ощущая знобящее ожидание и одновременно наслаждаясь влажностью воздуха при таинственной и медленной гибели зимы. Хотелось так тут и стоять, прямо до вечера. – Хоть и весна, а холодновато. Да и не по себе мне что-то.

Он остановился, тоже оглядывая пространство. С этого ракурса поле он ещё не видел.

– Давай в водилы? – Предложил Стив.

Джеф, наклонившись, заглянул в салон.

Опять приноравливаться? Нет, не хочется.

– Нет уж, благодарю, – поморщился он. – Тягай сам свои передачи. С меня и размышлений хватит.

– Вот лентяй, – с чувством резюмировал Стив. – Не желаешь помочь уставшему начальству. Мне трудно шевелиться, а тебе и невдомёк.

– Худей, старый слон! – Усмехнулся теперь Джеф, глядя, как он садится в машину, как, снимает блокировку, чтоб Джеф мог открыть дверцу и чертыхаясь ёрзает на сиденье.

Джеф сел следом, с необъяснимой неохотой захлопывая дверцу и вытягивая ремень, чтобы пристегнуться. Хотелось стоять, чувствуя на щеках холодный, ещё влажный после ночи воздух, но и хотелось скорее увидеть Николь.

Он окинул взглядом пытящего Стива, прижатого к рулю, шарящего под креслом в поисках рычага регулировки и его укололо смутное неоформленное воспоминание. Это было знакомо. Только откуда – сразу не всплывало.

Стив, кряхтя, наконец угнездится на своём месте, нажимая снова и снова на рычаг, чтобы достаточно отодвинуться от руля. Сюда они ехали с Норой, она поставила сиденье так, как ей было удобно, в жизни назад не вернёт.

– Вот женщины, – посетовал он, поворачивая ключ. – Ну, ты что? Поехали?

– Радуйся, что втиснулся, – посоветовал Джеф. Щёлкнул карабином замка, потянулся, поудобнее откидываясь на широкую спинку и с наслаждением пристраивая голову. Зевнул отчаянно, закрывая глаза.

Стив рядом сопел и возился, поскрипывая чем-то.

– Ну, ты, совесть имей, – наконец потребовал он. – Я тоже спать хочу. Глянь лучше диск какой-нибудь.

– Не отвлекайся, – посоветовал Джеф, открывая глаза. – Всё тебе комфорт нужен.

Искать ничего в дисках он не стал.

Стив буркнул что-то неразборчивое, трогая с места и аккуратно вырвав со стоинки. Машина набрала скорость. И тут на них приземлился садящийся самолёт. Крыло легло на крышу кабины, сминая её, как бумагу. Зашипели, моментально надувшись подушки, едва только тихо взывшие электронные цепи скомандовали: опасно!

– В сторону! – Рывкнул Джеф, хватая и выворачивая руль влево одновременно с торможением автоматикой и со стивовским недоумённым: "это ещё что такое?".

Попытался определить в чём дело, взглянув на потолок кабины, но пухлая мягкость объятий выброшенной компьютером подушки уже прочно прижала его к сиденью. Оставалось только пассивно анализировать картинку, запечатлевшуюся в мозгу: прогибающаяся крыша, скорость чьей-то посадки, болтающийся за окнами толстый провод. "Нет. Не сорваться!" – процедил он сам в себе, пока его левая рука крутила руль.

Пилот явно находился возле его стороны. Раз сработала автоматика, может, ещё всё обойдётся. Мозг независимо просчитал ситуацию и вывод получился неутешительный: кто-то их приютюжил. Безопаснее сидеть и не рыпаться. Колёса оторвались от автострады, потому, что самолёт подпрыгнул и чуть взлетел – скорость была ещё высока. Тяжёлая машина отцепилась от крыла и упав на колеса, покатила дальше, забирая левее с прежней скоростью, увлекая за собой конец провода. Секунды увеличились до века, пока их несло вперёд, сотрясая ударами, сквозь надсадный рёв и треск лобового стекла. Джеф, уловив запах топлива, догадался: самолёту хана, раз провод болтался рядом, то это пожар: видно незадачливый пилот, промахнувшись мимо полосы, зацепил крылом и высоковольтную линию. Ничего не видя из-за раздувшейся подушки, он почувствовал, как машина сорвалась с крыла и её повело в сторону. Это было удачно. Сыпавшиеся на них удары по лобовому стеклу словно направлялись рукой судьбы. Как только оно рассыпалось, стало холодно. Сразу последовал самый сильный удар и Джеф успел только подумать: "Вот идиот, этого не предусмотрел!" и на него рухнула тугая горячая пульсирующая тьма.

А потом не осталось ничего вообще.

Ошарашенный Стив даже не успел передвинуть ногу на тормоз, как машина наткнулась на что-то невысокое, словно встряхнувшись и его облил холодный жар от удара по плечу. Между ним и Джефом упал здоровый булжник. Компьютер автомобиля сам обрабатывал ситуацию. Конструкторы не предусматривали, что машина на абсолютно безопасной трассе вдруг вчетверо прибавит в весе, но датчик скорости тут стоял. Впрочем, сработавший тормоз всё равно не помог, потому, что самолёт, взлетев снова, приподнял машину. И когда автомобиль сорвался от собственной тяжести с крыла, их понесло дальше по инерции, порванная крыша машины болталась перед ветровым стеклом и сзади отражая летевшие вокруг камни и осколки, вместо разбитого ветрового стекла. Медленно спускали воздух порванные подушки и Стиву было уже видно со стороны Джефа, как самолёт, смявшийся от удара исковерканный и похожий на сломанную игрушку, поливающий всё вокруг бензином, инерция скорости волочит в сторону от его машины.

Тяжёлый провод, зацепившийся за порванную крышу, попал внутрь кабины и, вильнув от движения перед лицом Стива, упал в смявшуюся подушку Джефа, теряясь в её кремовых мягких складках. Движение самолёта рвануло провод следом и Стив, заметив в прорехи от спавшейся подушки мелькнувшие струи топлива, подумал, что Джеф успел среагировать: повернул – удачно их разнесло. Непрофессионал из этой "цесны", может, ещё выкарабкается, если не вспыхнет бензин. Ему было всё равно от боли. Раз машину отбросило в сторону, значит, они не сгорят. Ребята в "башне" видели аварию, дежурная бригада сейчас их вытащит. Стив, оглушённый, с раздробленным плечом скосил глаза на Джефа. Тот, явно без сознания, как-то вяло лежал-висел на ремне, сдвинутый в сторону Стива и повернувшись к нему. На нём устроились два булжника, видимо мраморные осколки какой-то облицовки, тяжело придавливая всё ещё сдувающуюся от повреждений подушку. От Джефа шёл дым, лицо, с правой стороны превратившееся в кровавое месиво, было пугающе безжизненным. Машину тащило дальше вперёд и влево с посадочной скоростью. Встречные машины, столбы – всё, что попадалось, тормозило это хозяйство, и к тому времени, когда они остановились, Стив был без сознания.

Что именно их остановило он уже не видел. Семьсот пятидесятый БМВ, тёмно-синий, с белым кожаным салоном, с люком, сквозь который можно было взглянуть на облака, проверяя силу ветра, предмет Стивовой гордости, превратился в лом. Они с Джефом, похоже, тоже. Через семь минут их везли в реанимационной машине в ближайший госпиталь.

28

Когда Стив очнулся, обжигаемый резкими вспышками боли, его перекладывали на носилки. Он почти ничего не видел, может просто потому, что забыл открыть глаза. Это было так странно: вырваться из безвременья и ощутить себя в бушующем мире, время которого не останавливалось. Слышен был скрип, пахло горячим железом, краской и гарью, как от сгоревшей резины и эти запахи перебивали чистый запах прошедшего ночью дождя. Запахи дополняли шумы улицы: гудели машины, шелестели колёса, где-то играла музыка, кто-то кричал, отдалённо, едва слышно, говорили люди, сливаясь голосами в гул, и Стиву показалось, что вокруг стоит толпа, наблюдающая за ним. Крики и шум перебил на миг звук взлетающего самолёта и неподалёку стал разборчивым чей-то вопль:

– Скорее, самолёт горит! – Это издали, встревоженно-громко.

– Ну, давай, парень, давай, – ритмично пыхтел кто-то рядом.

– Мы его теряем! – Это не паника, а так, констатация факта.

– Самостоятельная сердечная деятельность отсутствует.

– Руки – резкий окрик.

– Разряд! – Спокойно.

– Да не могу скорее, не режется, придётся давить сильнее, он же тогда умрёт, – отвечал кто-то издали, более спокойно.

– Фибрилляция? – Сказали над Стивом.

– Полная остановка.

– А тот вон и так умрет, кровь на губах пузырится, он и дышать-то уже не может, – сказал звенящим шёпотом чей-то голос в сторонке.

– Руки!

– Ещё разряд! – Через миг рядом громко перевели дыхание.

Стив захотел открыть глаза, потому, что подумал, что надо оглядеться, чтобы оценить их положение. Но почему-то они не открылись.

– Ну, взяли! – Скомандовал кто-то над ним. – Раз, два, три!

Затем последовал провал, во время которого Стив не слышал ничего. Потом звуки вернулись снова.

Спокойные голоса где-то рядом.

Стив открыл, наконец, глаза. Работали две команды: врачи и спасатели.

Жёлтые костюмы отсвечивали на солнце, а, может, они сами были как горящие свечи и поэтому приходилось щуриться.

– Есть реакция на свет?

Его носилки стояли рядом с другими носилками, и он пытался повернуть голову, не сомневаясь, что рядом Джеф – это были его блестящие туфли. Одна штанина джинсов была порвана и в прореху выглядывало что-то розоватое, светлое. Потом ничего не стало видно, потому что его укрыли тёмно-синим пледом.

– Нет реакции. Несём!

Джеф словно шевельнулся, но когда от него отодвинулся врач, Стив понял, что его просто немного встряхнули. Лицо Джефа, уже освобождённое от кровавой корки, было повернуто к нему, и Стив со страхом отметил судорожные дрожательные движения глазных яблок.

– Есть нистагм, – сказал знакомый голос над ним. – Сколько он весит?

– На сто шестьдесят вводи.

– Ничего, – отозвался издали, пыхтя, первый. – Раз до сих пор не помер, значит, живучий парень. Видно, есть ради чего жить.

– Родным надо сообщить, – сказали над носилками.

Над Стивом наклонилась огромная голова и он почувствовал, как его поднимают.

– Сейчас сообщим, у него мобильник в кармане.

– О! Разрезал! Ну, лётчика нам не спасти.

– Давай бегом, а то вы тут с ним сами поджаритесь. – Стива тряхнули, и он снова потерял сознание.

Во время второго озарения он увидел рядом Джефа, лежащего на носилках.

Потом Стив почувствовал, как резко встряхивает движение его носилки, когда его поместили в машину. Вскоре ощущалась скорость – они ехали и звук сирены сверлил мозг. Хотелось, чтобы прекратилась, наконец, тряска и нестерпимый звук. Стив попытался поднять руки, чтобы заткнуть уши, и не смог, облившись колючим жаром.

И наступила долгожданная тишина.

Когда глаза опять открылись, и он пришёл в себя – это был уже госпиталь, судя по запахам. Вокруг слаженно суетились люди и было почему-то жарко. Пот заливал глаза, и Стив хотел вытереться, но его тут же крепко схватили за руку и к нему наклонился кто-то из врачей, колдующих над Джефом.

– Пожалуйста, не шевелитесь, мы уже в госпитале, сейчас вам помогут, подождите немного. Я не могу пока уделить вам время, я нужен вашему другу. – И тут же отстранившись от Стива он махнул рукой и сказал: – всё, везите скорее!

Стив хотел спросить что-то: то ли что случилось, то ли будет ли жив Джеф, но пока собирався, врач куда-то исчез и в нос ударил резковатый запах, дурманя. Вокруг всё погрузилось в тьму.

Ещё через двадцать одну минуту по телефону связались с Николь.

Марина постукивала кончиком карандаша по крышке стола. Следила глазами за ходящим из конца в конец комнаты Томом.

Он всегда легче думал вслух: взвешивал свои планы, высказывая их Марине и следил за её реакцией. Но она последнее время никак не слушала спокойно. Всё отвечивала и отвечивала ему свои скептические шпильки. Сейчас Марина смотрела на него и всё время переводила разговор на Джефа и Ники, явно пытаясь прозондировать его решение по этому поводу.

Марина же только поморщилась после очередного вопроса, что это её так заботит, если вокруг есть масса более важных проблем. Нашла себе важную вещь – ахать, как же выдать замуж дочь! Интересно до чего ещё можно договориться? Эти споры с Томом в ожидании Джефа были по её мнению сейчас неуместны. Она попыталась избавиться от недовольства собой, поскольку сама поддерживала эти споры. Но и не отвечать тоже не могла.

– Боюсь, что со своей решительностью Ники может очень легко организовать выполнение своего желания: брак – это не проблема, в некоторых местах сильно снижены всевозможные ограничения. Ты ведь знаешь нашу дочь – она выйдет замуж, когда захочет и за кого захочет, – сказала она.

Том вздохнул: Мери начала атаку. Это ужасно. После вчерашнего бойкота она теперь взялась конопатить ему на мозги. Он передёрнул плечами, не отвечая.

– Ты знаешь о том, что наша дочь уже несколько раз серьезно напивалась?

– Откуда ты это знаешь?

– Мне сказал Джеф.

– Я смотрю, у вас с Джефом свои секреты.

Марина присмотрелась к мужу. Какой-то он странный, зашёл вечером хихикая, о чём говорил с Джефом у ворот, не сказал. Сегодня с утра сам подкинул Николь к школе, усадив в свою машину и Марину. Странно, Том никогда так не делал, и Марина всё больше и больше тревожилась. Её семейная жизнь приучила её не доверять решениям Тома, если он их не доводил до её сведения заранее. А может, она просто боялась неизвестности.

Она спросила:

– Ну скажи мне, что в Джефе такого, что тебе не нравится?

– Его член. Я растил Николь не для того, чтобы...

Ну конечно, он просто не может без подобных выражений!

– Том, пожалуйста! – Взмолилась Марина. – Ты что, готовишь её в монахини?

– Боже упаси. У меня единственная дочь! Кто будет пестовать мою старость?

Она не могла понять, шутит он или сердится. Больше было похоже на шутку. Но она ответила на всякий случай недовольно:

– Твой обслуживающий тебя персонал, которому ты заплатишь.

– Персонал не родит мне внуков.

– Послушай себя! Ты сам себе противоречишь! Мечтаешь о внуках, но не желаешь никого ... для Николь, – не сдержавшись, засмеялась Марина.

– Тебе смешно. А мне грустно, – это у Тома вышло совсем жалобно, и Марина невольно ему посочувствовала. – Я ещё в первую ночь, когда он её привёз, на своём паршиво-ярком "бьюике" понял, что он на неё имеет виды. Он её уговорит, подумал я тогда, она ему отдастся, и я ничего сделать не смогу. Думаю, что Ники просто повезло, что Джеф оказался более или менее порядочным и не до конца нищим.

– Не ей повезло, а она такого выбрала. Неужели ты полагал, что твоя дочь купится на дерьмо?

– Да нет. Но только так жалко её отдавать. И вдруг он ей надоест? Может, подождать?

– Когда надоест? Если это произойдет лет через десять?

Том вздохнул.

– Странные какие-то у нас разговоры сегодня.

Марина снова оглядела его унылое лицо. Вспомнила, с каким выражением Джеф попросил её позволения прийти для разговора. Она попыталась утешить Тома:

– Она закончит школу, поступит в колледж. Я думаю, Джеф скоро сделает ей предложение.

– Думаю, он нам скоро сделает предложение, – раздражённо перебил Том. – Не сомневайся, ей он предложение сделал давно. Разве ты не видела, что носит на пальцах наша дочь?

– А что? – Удивилась Марина.

Неужели она что-то пропустила? Надо будет спросить у Ники.

– Бриллианты. Такого кольца у Элен не было, можешь мне поверить. И она ходит в этом в школу! Да она уже больше двух месяцев носит это кольцо. Меня за эти штучки, кстати, пилила ваша хвалёная Джонс. Да что там говорить. – Том махнул рукой и, поморщившись от раздавшегося звонка, снял трубку. И тут же сунул Марине, шепча: – Твоя очередь отдуваться!

Марина взяла телефон, удивляясь, что он обратил внимание на руки Николь.

Если он имеет в виду кольцо, которое ей подарил Джеф, так это было ещё осенью. Может, он подарил что-то ещё, а она не заметила?

– С кем я говорю? – Услышала она твёрдое.

– Миссис Гордон, – стараясь говорить, как можно увереннее произнесла Марина, натягивая улыбку.

Она неизменно терялась от одного взгляда классной дамы Николь, а уж от звука её голоса Марине хотелось быстренько спрятаться, чтобы она её не заметила. Если бы это было можно.

– О, здравствуйте, миссис Гордон. Я хотела сообщить вам, что была вынуждена отправить Николь со школьным шофёром. Ей позвонили по мобильному из госпиталя святой Елизаветы и сообщили, что Джеф Коган попал в автокатастрофу. Думается, что телефон в кармане школьницы – несколько рискованное решение родителей. Всё же примите мои искренние сожаления. До свиданья. – И Марина услышала гулкие гудки.

Наверное, у неё стало такое лицо, что Том перепугался. Она очнулась от тряски: Том дергал её за руку, повторяя:

– Что с Ники случилось, Мери?! Да не молчи же ты, что случилось с Ники? Она заболела? Она что-то сделала? Джонс опять с претензиями? Да что ты как столб, Мери! Марина!

– Джеф попал в автокатастрофу, – выдавила она, наконец непослушными губами. В голове у неё что-то звенело и щёки словно онемели. – Ники позвонили из госпиталя. Джонс отправила её к нему.

– Слава Богу! – Выдохнул Том, сразу отцепившись от неё. – Ты меня своим зелёным лицом совсем перепугала. Я уж думал – с Ники что.

– Я поеду к ней, – пропустив мимо ушей всё, что он сказал, заторопилась Марина.

Джеф попал в автокатастрофу! Перед глазами у неё стояли счастливые лица Ники и Джефа, когда они сидели вместе по-турецки на кровати в комнате Николь и ели блинчики. В голове билась одна мысль: только бы он был жив! Господи, только бы он был жив, иначе Ники этого не переживёт. Том ещё что-то говорил, но она не слышала его: искала сумочку, телефон, перчатки, ещё неизвестно что, сама не зная, что именно ищет.

Том снова встряхнул её.

– Мери! Да ты не слышишь меня, что ли? Возьми: – он протягивал ей свою чековую книжку. Может, надо будет заплатить. Где он: в муниципальном госпитале, наверное?

– Только бы он был жив! – Воскликнула Марина, не замечая, что плачет.

Том, поражённый, остановился.

– Да ты, никак, сама его любишь, – сказал он.

– Да, люблю, как зятя! Если с ним что случится, Ники этого не переживёт! – Крикнула она мужу. – Ты представить не можешь, что тогда с ней будет!

– Бедная Ники! – Насмешливо сказал Том.

– Господи, Боже мой, бедная моя девочка! Господи, бедная моя девочка! – Не слыша его, приговаривала Марина, снова пускаясь в какие-то поиски.

Том напряжённо смотрел на неё: как она, перепуганная, носится с места на место не в состоянии сосредоточиться. Он, размышляя, покусал усы. А вдруг и впрямь там с Джефом что серьёзное? Вот, приголубил взрослого мужика на свою голову – вся семья совсем взбесилась.

Махнул рукой, сгрёб Марину за талию.

– Успокойся. Мы поедem вместе. Джеф ваш – двуличный. Ничего с ним не случится. Уж если он из горящего самолёта вылез, то здесь-то с ним всё будет в порядке. – Марина притихла, пока он тащил её вниз по лестнице. Закинул на заднее сиденье в машине, не задумываясь, будет ли её укачивать. Сам сел спереди. Бросил, оглянувшись, – пристегнись. Где госпиталь-то? Марина! Тебе Джонс сказала или нет?

– Святая Елизавета, – прошептала Марина, приходя в себя.

– Слышал, приятель? – Спросил Том. Шофер кивнул, включая зажигание. – Тогда давай с ветерком. Если уж жена в такой панике, то представляю, как там Ники.

– Что-то случилось? – Осторожно полюбопытствовал шофер, быстро ныряя в дворовую арку напротив храма, чтобы объехать светофор и не терять время.

– Наш гонщик Коган угодил в аварию. Знаешь его? – Том искоса взглянул на шофера.

– Да, мистер Гордон, конечно, – ответил его воспитанный работник. – Только странно это: на таком тихомодном диване, как "бьюик" в аварию попасть.

– Да он уже невесть сколько на гоночной гоняет. Но машина тут не при чём. Говорят, на него сел самолёт, – пошутил Том, даже не предполагая, насколько он близок к истине.

Николь в женском туалете школы, цепляясь за кран, торопливо плескала воду в лицо. Пора было идти на урок. Но у неё просто ноги не шли. Вскоре после звонка Джефа на неё вдруг навалилась такая тяжесть и тоска, что стало трудно дышать. Захотелось быть с ним рядом. Он

скоро приедет домой, а она должна будет ещё сидеть здесь целый урок. Стив его подбросит за час. Может, сбежать? Дома дожидаться легче. Как-то и неудобно уже. У неё в животе было настоящее восстание. Она даже не могла определить, что с ней такое: только что было же всё нормально? Она едва успела заскочить в туалет и её стошнило.

Вода помогла: её холод позволил поглубже вздохнуть. В голове шумело. Николь кое-как добрела до класса, забыв оторвать полотенце и хоть вытереть лицо от воды. Тамми шепнула ей: "Ники, ты что? Мокрая вся.", но тут вплыла классная и стало не до объяснений. Николь уткнулась в локоть, лежащий на парте. Придётся попытаться собраться, как выражается Джеф. Половину урока она старательно таращила глаза и старалась не опускать голову, чтобы хоть со стороны казалось, будто она слушает. Она и не подумала, что она может быть так бледна, что её поэтому и не спрашивают. Миссис Джонс, разглядывая открытый перед ней класс, решила, что у Николь Гордон, видимо, что-то болит.

Зазвонил телефон. Николь вытащила сотовый из кармана, но не рискнула взглянуть на экран. Интересно, кто это? Прямо на уроке, чёрт. И Джеф, и родители знают её расписание. Кроме того, Джеф только что звонил. Правда, нёс какую-то несусветицу. Он не стал бы звонить посреди урока. Если только не случилось что-то. Наверное, у неё было такое выражение лица, что миссис Джонс, чуть смягчив голос, сказала:

– Выйди, Николь!

– Прошу прощения, – пробормотала Николь, стараясь побыстрее выдвинуться в коридор.

– Простите, – услышала она незнакомый женский голос, – вас беспокоят из госпиталя святой Елизаветы. Я могу поговорить с вами о Джефе Когане?

– Я не понимаю, – растерянно сказала Николь.

– Я медсестра Дебора Вильсон. – Терпеливо объясняли ей. – К нам в реанимацию поступил мужчина в бессознательном состоянии. При нём были водительские права на имя Джефа Когана и телефон. Я просто нажала на повторение последнего звонка, чтобы связаться хоть с кем-то. Вы слушаете меня?

– Да. Да, – шептала Николь, силясь перевести для себя те незнакомые слова, которыми сыпала женщина где-то вдалеке и сползая по стене на пол: почему-то подгибались ноги.

– Вы могли бы сообщить его точный вес и есть ли у него аллергические реакции на лекарства, если вы знаете? Вы слышите меня? Может, вы подскажите с кем я ещё могу связаться?

Она ничего не понимала. Ищут Джефа? Нужен его вес? Джеф умер? По школе прокатился звонок, началась перемена. Дверь класса открылась и миссис Джонс, мгновенно оценив ситуацию, выхватила телефон из похолодевших пальцев Николь.

– С кем я говорю? – Строго произнесла она.

– Что с ним?! – Закричала Николь, бросаясь к ней.

Преподавательница, не прерывая разговора, властным жестом заставила её, дрожа, замереть на месте. Николь смотрела на неё, пытаясь осознать, о чём она говорит.

Наконец классная дама сложила телефон и отдала его ей.

– Джеф Коган попал в автокатастрофу неподалеку от аэропорта, – сказала она отдельно и чётко своим сухим скрипучим голосом, положив руку на плечо Николь. – Он в очень тяжёлом состоянии находится в реанимационном отделении госпиталя святой Елизаветы. Ему необходима кровь. Насколько я знаю, сегодня там, в десять часов упал самолёт. Пойдём Николь, я вызову тебе машину.

Николь последовала за ней, словно оглушённая. Она никак не могла понять: как же так? Он же сказал, что он едет домой? Как он там оказался, на вокзале!? Джеф попал в аварию, и он без сознания? Как такое может быть? Он же не лётчик? Как можно попасть в аварию на земле? Потом вдруг вспомнились в огнях реанимационных машин носилки, которые видели они с Джефом в новогоднюю ночь. И тут вспышкой её пронзила мысль. Он без сознания! Ему плохо! Боже, он попал под машину! Вот почему он так беспокоился: он чувствовал! И при чём

тут самолёт? Внутри неё голос Джефа ясно-ясно сказал: "если вдруг какое случайное событие...". Ей стало так дурно от страха, что она бессильно прислонилась к стене, не в состоянии шагнуть. Миссис Джонс, не слыша, что Николь идёт следом за ней, приостановилась, оглядываясь. Окинула внимательным взглядом Николь, её синеватую бледность и сказала:

– Поторопись, Ники. Возможно, ты сейчас нужнее не здесь.

Николь услышав этот полуприказ-полусовет, встряхнулась, поспешила, кусая губы. Никому нет дела ни до её чувств, ни до её боли, никому нет дела до того, что случилось с Джефом, потому, что никто тут не может помочь. Джонс права, нельзя терять время, она нужна Джефу. Некому пожаловаться. Джеф без сознания! А у людей нет силы, чтобы принять её страх. Её отчаяние было так велико, что она даже не могла молиться, только шепча про себя: "Господи! только бы он был жив! Господи, только бы он был жив! Господи!" она не помнила, как её усадили в машину, она сидела, как на иголках, не видя ничего вокруг. Улицы такие длинные, машин так много, шофёр такой неторопливый. Боже! Помоги!

Она не помнила, как влетела в коридор госпиталя, как что-то долго и путанно объясняла устройки медсестре-регистратору, как пробежала до двери в операционный блок. Бегущее нестерпимо время, которое она была вынуждена терять, чтобы добраться сюда, мгновенно остановилось. И остановилась Николь.

Она не смогла увидеть Джефа. Её к нему не пустили, потому, что он был на операции. К ней подошла медсестра, выслушала её сбивчивые вопросы, дала ей воды и всё объяснила. Что случилось, сколько времени примерно будет идти операция, сколько ему нужно крови. Сказала, что он в хорошем состоянии, потому, что клиническая смерть продолжалась не более сорока секунд, что фибрилляции не было, и что им повезло, потому, что они не успели выехать с территории аэропорта. Там постоянно дежурят реанимационные бригады. Остальное она не слышала, потому, что её охватило облегчение и всё вокруг стало спокойным, красивым, звеняще-тихим и синим. А потом оказалось всё нестерпимо вонючим, потому, что она уже сидела и перед носом у неё крутили флаконом.

Вскоре медсестра ушла, убедившись, что с ней всё в порядке и Николь осталась одна со своей болью и со своим страхом. Он был так велик, что её поглотила внешняя безучастность. Она не видела Марину, которая кинулась обнимать её, она не видела Тома, помаячившего тут же рядом. Она сидела, смотрела на двери и ждала: сестра обещала позвать её, если Джефу понадобится кровь.

Том помог Марине разыскать Николь и попытался узнать новости о Джефе, но ничего нового, кроме того, что сказала ему бесцветным голосом Николь, не выяснил. Николь, когда он к ней обращался, отвечала раздражённо, словно он отвлекал её от огромной задачи и Том почувствовал себя лишним здесь.

Николь была в отчаянии. В таком глубоком отчаянии, что он точно ничем ей помочь не мог. Такого лица он не видел у неё никогда. Впервые в его душе шевельнулось сомнение по поводу собственного отношения к связи Николь с Джефом.

Он оглядел Марину, нервно потирающую пальцы, Николь, ни на что не реагирующую. Он готов был разорваться. Чёртов Джеф! Всегда осла подкинет! Мало того, что он пол дня убил на его ожидание, так надо было ещё додуматься: разбиться на машине! И именно тогда, когда у него презентация. Завтра с утра он должен быть во всеоружии. Сегодня – последние штрихи, и в офисе без него никуда. И на тебе! Что за семейка: всё не вовремя. Николь всегда свинью неожиданно подкладывала, а теперь ещё и этот свалился на его голову.

Они, похоже, действительно нашли друг друга.

Том, злясь на себя от бессилия, набрал номер Майка. Должен же тут остаться хоть кто-то с мозгами, если он вынужден уйти.

Марина даже не заметила, как появился Майк. Просто почувствовала, как он обнял её. Потом подошёл к Николь. Она разговаривала с ним недолго, но гораздо дружелюбнее, чем с

Томом. Может, просто потому, что Майк, остановившись возле неё, не заставлял её поднимать голову, отрывая взгляд от двери, а просто присел на корточки перед ней, глядя на неё снизу-вверх. Марина сидела в кресле у стены, дрожа от напряжения и наблюдала, как они иногда, по очереди вытирают друг другу глаза. Издали, ей показалось, что Николь стало легче после того, как пришёл Майк. До окончания операции Николь не находила себе места. Марина со страхом наблюдала её отрешённое хождение по коридору, когда она начала чувствовать такое напряжение, что не могла спокойно сидеть. Два часа. Три часа. Позвонил Том. Марина сказала ему, что ни каких перемен нет. Николь всё также ходила по коридору, не останавливаясь ни на секунду. И в глазах её всё время таился страх. Марине удалось унять ненадолго этот страх, когда она предложила помолиться. Николь покачала головой и ходить не перестала, но прислушивалась к тому, как читает вслух молитвы Марина и её губы беззвучно шевелились, повторяя за Мариной слова.

Николь была просто раздавлена случившимся. Вдруг вспомнилось, как когда-то давно, ещё до своего крещения Джеф сказал ей: "самое ужасное – это потерять жизнь. Нет ничего прекрасней и желанней жизни. Нет ничего хуже смерти. Не знаю, может, я не прав, но я так был воспитан. Думаю, это тоже мне досталось в наследство от бабушки. Может быть, это свойственно всем выходцам из России: какое-то язычески печальное отношение к смерти, не знаю. Смерть – это окончание всего. За ней ничего нет. Это полная разлука, полное прекращение общения, полное одиночество. Для меня всегда это имело самое серьёзное значение. Если предлагается жизнь за кого-то, то это обозначает, что жизнь менее важна, чем человек, за которого ты её отдаёшь. Знаешь, что меня потрясло, когда я читал "Историю одной души"? Что маленькая Тереза пожелала своей любимой маме, без которой не могла представить себе жизни, умереть. Сейчас я понимаю, что смерть – это просто переход, перемена места жительства, если хочешь, но мне так трудно принять, что смерти достойны те, кого любишь...".

Это воспоминание её перепугало. Она, как христианка, должна радоваться тому, что Джеф умрёт? О Боже! Боже! Господи! Она будет радоваться, она научится, честное слово. Она же научилась радоваться тому, что её мать теперь на небесах. Но не сейчас. Но только не о Джефе, пожалуйста, Боже мой, пожалуйста! У неё сейчас нет сил. Господи, хоть бы это случилось с ней! Насколько было бы легче.

Она меряла и меряла шагами коридор, сцепив пальцы в полном отчаянии.

Она шептала молитвы, то вслед за мамой, то одна, но так машинально, даже не слыша себя, что однажды, когда её окликнули, обратила внимание, что она читает "Радуйся", хотя только что начинала "Отче наш". А может, она дочитала его, просто временной кусок выпал у неё из памяти. Она не плакала, потому, что боялась плакать – а вдруг получится, что она его оплакивает?

Потом вышла медсестра и сказала, что кровь всё-таки нужна и Николь увели.

Её не было почти сорок минут. Вернулась, пошатываясь и вслед за ней сразу пошёл Майк. Николь села рядом с Мариной, наконец, обратив на неё внимание. Сказала, что крови у неё взяли всего пятьсот грамм и больше брать не захотели, объяснили, что есть ещё доноры и добавят кровезаменитель. Сказала, что всего крови надо примерно три литра. Сказала, что, оказывается, они с Джефом идеально сочетаются по крови. Сказала, что видела Джефа через стеклянную дверь и что можно подняться наверх, посмотреть ход операции.

Марина подумала, что раз кровь Ники подошла Джефу, может и её подойдёт, поскольку у неё тоже группа А. Когда вернулся Майк, чуть бледный, она спросила об этом сиделку. Пока она за заборами белых занавесок наблюдала, как переливается её кровь в пузатую бутылку, Майк с Николь ушли смотреть на операцию. Николь, едва увидела оттуда лицо Джефа, ахнула, стиснув зубы, непроизвольно зажимая себе рот, чтоб не закричать и цепляясь за Майка: она была не в силах устоять на ногах. Проходя мимо окна операционной, она видела лишь его профиль с левой стороны. Белый, заострившийся, но вид вполне терпимый. Здесь же, под беспощадной

яркостью ламп, разглядывая его кровоподтеки на лице и раны на лбу, его волосы, справа слипшиеся от крови – это было видно под напяленным на него зелёным чепчиком, её охватил ужас.

Вскоре к ним поднялась Марина, хотя ей всё это сильно напоминало день смерти Элен. Она ничего не стала говорить об этой ассоциации Николь, думая про себя: "не накакать бы". Старалась помедленнее молиться, проговаривая мысленно слова молитв, чтобы отвлечь себя от подобных мыслей. Так тягуче двигалось время! Звуки госпиталя вокруг них медленно таяли – вступало в силу обеденное время. Марине казалось – она никогда не закончится, эта операция. Здесь, наверху у толстых стекол полукруглого потолка операционной даже не было ни каких сидений: это место было предназначено только для наблюдения. Кроме них вокруг барьерчика, с интересом глядя вниз, стояло ещё несколько человек – может, просто любопытных, может студентов. Марина устала и посматривала на Николь с беспокойством: разве она выдержит такое? Когда она заметила, что врачи расходятся, поняла, что операция все-таки завершена и облегченно вздохнула. Взглянула на часы. Было начало седьмого. Операция длилась больше пяти часов. Что там с Джефом такое? Не останется ли он инвалидом?

Их нашла сиделка и сказала, что пациента переводят в реанимационную палату и туда допускаются только близкие родственники. Марина ответила, что ближе их у него никого нет. Майк добавил, что это его семья. Когда они сидели у кровати Джефа, наблюдая за действиями сиделки, пришёл врач.

– Состояние крайне тяжёлое, но операция пришла успешно. Над ним пришлось много поработать: сочетанная травма. Его счастье, что его быстро доставили в госпиталь. С такими повреждениями внутренних органов, он вряд ли протянул больше двадцати минут. Сломано пять ребер, переломы костей правой руки и правого бедра, всё со смещением, а, кроме того, он получил серьёзный удар током. Сейчас сложно говорить о его дальнейшем состоянии. Когда он придёт в себя, тогда можно будет делать прогнозы о последствиях.

Марина, торопливо пообещав Майку, что к ночи вернётся, уехала, сославшись на массу работы. Хотя что-то прояснилось, хотя не прояснилось ничего.

29

Марина только отговаривалась работой. В первую очередь, едва выйдя из госпиталя, она понеслась в храм. Она успела на мессу, правда это была самая неудобная для неё месса, на латыни, для семинаристов, и служил её священник, которого она не так уж хорошо знала – отец Франциск.

Но когда он давал последнее благословение, она заметила, как по проходу, сутулясь, шагает настоятель. Едва дождавшись заключительных аккордов гимна, она почти бегом направилась в ризницу.

– Отец Вильгельм! – Воскликнула вместо приветствия. – Отец Вильгельм! Пожалуйста, пожалуйста, сходите к Ники в госпиталь!

Отец резко повернулся к ней, и искажившая лицо забота показала, как дорога ему Николь.

– О нет, нет! – Сразу угадав его мысли, торопливо заверила Марина. – С ней все в порядке. Это Джеф. Он разбился на машине.

Теперь она могла плакать. От отчаяния. От страха. От того, что её утешали. Не стесняясь, не скрываясь.

Слёзы текли сквозь пальцы прижатых к лицу рук.

– Ну-ну, что с тобой? – Приговаривал настоятель, обняв её за плечи. – Давай, расскажи-ка мне всё более вразумительно, Мери. Ну, успокойся.

– Наверное, мне лучше исповедоваться, – прошептала Марина.

– Хочешь сейчас? У меня есть до мессы время.

Она только кивнула в ответ.

– Пойдем. Пойдем, – и он, набрасывая по дороге столу, провёл её в глубину ризницы, где среди высоких, до потолка, тёмных шкафов пряталась неприметная дверца.

Повесил на малюсенький гвоздик бирочку со словами: "идёт исповедь". Марина вошла за ним в небольшую побеленную комнату, с крохотным окошком под самым потолком. Там ничего не было, кроме такого же высокого шкафа, круглого стола и двух стульев.

– Садись, Мери. Делала испытание совести?

Марина кивнула, шепнула перекрестившись:

– Во имя Отца и Сына, и Святого Духа.

– Аминь – отозвался Отец Вильгельм.

– Последний раз я была на исповеди... – Она судорожно перевела дыхание. – Не помню, когда, где-то, недели три назад, с тех пор я, – она помолчала, вспоминая свои "вешки", поставленные для самой себя во время ночного испытания совести. Что там было? Искушение, прелюбодеяние, гнев, зависть, ложь. Вдохнула. Отец терпеливо ждал. – Я впадала в гнев, когда мы с мужем поссорились и осуждала собственного мужа, да и не только его, я завидовала личной жизни своей дочери и испытывала искушение прелюбодеяния по отношению к человеку, не являющемуся моим мужем. Я лгала своему мужу, когда скрывала от него информацию. Я плохо выполняла свои обязанности. Моя ложь имела продолжение, из-за неё человек теперь может погибнуть. Есть только одна хорошая вещь: я преодолела искушение. Я раскаиваюсь в своих грехах и буду стараться больше не грешить.

И она тут же подумала: "А Майк?" Сможет ли она преодолевать свои искушения и дальше? Сможет ли она противостоять его восхищению и его повелительной ласке?

– Я понимаю твою боль, – тихо сказал настоятель. – В жизни так часто бывает, что мы не задумываясь делаем поступок и позже начинаем обдумывать его. Хорошо, когда приходит осознание причины своего поступка. Очень приятно, что искушение было преодолено, но над другим поведением нужно поразмышлять с молитвой. Возможно, имеет смысл задать себе

вопрос, в чём причина моей помощи дочери, почему ложь мешает мне выполнять свои обязанности, – он протянул руку вперёд, держа ладонь почти параллельно полу.

Марина опустилась на колени, и эта сухая старческая ладонь невесомо легла на её голову. Настоятель прочитал почти неслышно тихую молитву и добавил:

– Твои грехи прощены, иди с миром и больше не грехи.

Марина почувствовала облегчение.

– Теперь я тебя слушаю, – сказал настоятель.

– Я чувствую себя виноватой в том, что произошло с Джефом. Он приехал навестить Ники, я сама его пригласила. Приехал, хотя между ним и Томом произошла безобразная сцена. Том сказал, чтобы и духу его у нас не было, но Николь несколько дней не ела совсем, я... я просто испугалась. Меня смущали их отношения, я хотела проверить... Ну и пригласила Джефа. И проверила. У них с Николь роман и очень серьёзный. Для Николь – даже слишком. Я хотела проверить, насколько эти отношения важны для Джефа. Но у меня ничего не получилось...

Эти слёзы мешали, они противно катились по щекам. Марине становилось ещё сильнее жаль себя. Вскоре сама Жалость совсем задавила её, закрывая перед ней мир.

– Ты неправильно исповедовалась, Мери, – тихо сказал отец Вильгельм. – Как ты делала испытание совести, если просмотрела, что главная твоя проблема: недоверие к Богу. Я удивлён, поскольку много лет знаю твою мать. Как могло так получиться, что ты перестала доверять Господу? Разве ты можешь понять сама свою роль во всей многогранности человеческой истории?

Под вечер госпиталь опустел. Тишина давила. Николь, держа Джефа за руку, сидела, не шевелясь и слушала его шелестящее дыхание. В Джефе что-то все время хрипело, словно воздух проходил через неровное отверстие. Противно-тонко гудели звенящие лампы под потолком, шипела и ритмично попискивала аппаратура, к которой был подключён Джеф. Всё это сливалось в равномерный, хоть негромкий, но утомительный, шум. Николь вскоре после того, как осознала, что у неё просто болит голова от этого надсадного шума, как-то забыла о нём и задумалась. Перед глазами стоял Джеф. Его весёлые глаза, его летучая улыбка. Его сила, его твёрдость. Проскакивали в сознании картинки их совместных занятий. Каким она его видела, когда смотрела на него. Это было так больно, просто нестерпимо больно. Джеф, такой сильный, который всё время повторял: "да что со мной случится. Всё будет в порядке. Не волнуйся, я тебе не дам сильно отстать". Она не слышала ничего вокруг, поглощённая этим внутренним зрелищем и своей болью.

После еле слышного стука скрипнула открываемая дверь. В палату боком вошёл Стив. Почти неузнаваемый из-за бинтов на голове. С эффектно отставленной в сторону, помещённой в гипс рукой. Остановился, глядя на Николь. Она не видела его, погружённая в свои мысли. Её лицо, такое же, как и у Джефа, бледное в синеватом свете дневных ламп, залитое слезами, было неподвижно. Не отрываясь, она смотрела на Джефа, прижав одну руку ко рту, другой сжимая пальцы Джефа и тихонько покачивалась вперед-назад. Стив осторожно опустился на один из стульев, не отрывая глаз от этой пары. Ну, они с Джефом и влипли, это же надо! Что будет с Николь, если Медведь умрёт? Сам испугавшись этой мысли, Стив стал торопливо обшаривать глазами Джефа, ища опровержение своим опасениям. И не нашёл. Джеф лежал недвижимой громадой на высокой кровати, весь в трубках и проводах, с белыми пятнами датчиков на висках. На белом лице чернели кровоподтеки. Здорово ему досталось. В ногах Джефа сидел на стуле Майк, опершись локтями о колени и обхватив голову. Ему, похоже, было не лучше, чем Николь.

Снова тихо скрипнула дверь, Стив неуклюже оглянулся на сдавленный женский вскрик. Худенькая темноволосая женщина в накинутом на плечи белом халате. С корзинкой. Не врач. Тут он узнал её. Марина тоже сначала даже не поняла, что это он.

– Это вы, Стив? – спросила она, вглядываясь в него. – Я испугалась.

– Я, – он начал вставать, увидев, как вслед за ней проходит отец Вильгельм.

Настоятель, улыбаясь, пожал руку Стиву и перебрисился с ним парой слов о самочувствии. Потом подошёл к кровати. Там о чём-то поговорил с Майком. Николь, кажется, на него даже не обратила внимания.

– Садитесь, садитесь! – Марина торопливо положила руку Стиву на плечо.

Скользнула грустными глазами по Николь и Джефу. Вздохнула на его вопрос о том, что говорят врачи. Окинула взглядом его самого, и он не понял, что выражали её глаза: то ли досаду, то ли удивление. Так и читалась в её взгляде мысль: как же так? Ты стоишь тут, живой, на своих ногах. А Джеф? Ведь он ехал с тобой в одной машине. Неужели было лень поставить свой автомобиль на другую стоянку, тогда такого бы не произошло! Стив тут же одёрнул себя. Собственное чувство вины его заволакивает туманом. Вряд ли Марина знает расположение взлётных полос и где у аэровокзала проходит линия автострады. Это просто случайность. Такое стечение обстоятельств. С ними могло случиться что-то другое. Там, где стоял его БМВ, расположена общественная автостоянка, значит, опасность аварии исключались ещё при проектировании. Такой неумеха, который промахнулся при посадке мимо полосы при боковом ветре, попадает достаточно редко. Тем более, он поплатился за это жизнью. Стечение обстоятельств.

– Ничего утешительного пока не скажу, – тем временем торопливо шептала ему Марина. – Операция прошла хорошо, но о результате её говорить рано. Это можно будет узнать только после того, как он придёт в себя. Но врачи говорят, что сон после наркоза перешёл в кому, – она опять оглянулась на Николь.

– Николь не знает? – Догадался Стив.

Марина покачала головой.

– Нет. Она от него не отходила, а я слышала, когда стояла в коридоре. А Ники, как его привезли из операционной, так и не шелохнулась, – она снова вздохнула. – А вы как? Ведь вы же были с ним вместе? Расскажите мне, что случилось, я таких версий тут наслушалась, что просто слов нет, только ужас. Я не понимаю, что он делал в аэропорту в десять часов: у него же дежурство закончилась ночью?

– Да мы две смены сегодня отсидели, у нас Харт заболел, а у Клода жена сегодня рожает. Вот и подменяли. Вышли в десятом часу никакие, даже есть не стали, чтобы не заснуть по дороге. Что случилось, я не очень-то помню. Джеф же был сегодня без машины, у него она то ли на профилактике, то ли ещё что. – Марина кивнула, показав, что она знает это. Стив продолжал: – А я, как обычно, поставил свою не на нашей стоянке, а возле поля. Я там всегда её ставлю, когда подвожу жену – у неё сегодня рейс. Очень надеюсь, что ей ничего не сообщили. – Он вздохнул. – И позвонить-то некуда, они ещё в воздухе – рейс европейский. – Марина дотронулась до его руки, и Стив вяло улыбнулся в ответ. – Сели мы с Джефом. Я ему говорю: "садись за руль". Мне нравится, как он водит. Но он отказался, сказал, что ему надо подумать. Только выехали со стоянки, как вдруг рёв, грохот и бряк что-то на машину. Я глядь на потолок – а там жёлтое что-то в окне на крыше и трещины по люку побежали. Я и не понял сразу, что это крыло. Машину тащит, я ещё подумал: как тут нас мог самолёт какой на посадке приютюжить. И тут так ударило, что я отключился. Больше ничего и не помню. Очнулся, смотрю – самолёт горит, машина моя спрессована, рядом какие-то мужики носилки с Джефом тащат и не понять, жив ли он ...

Вошла сиделка, сказала строго, поглядев на Стива:

– Вы из какой палаты? Идите, пожалуйста, не нарушайте режим.

– Я зайду ещё, позвольте? – Спросил Стив и слабо улыбнулся, увидев кивок Марины.

Отец Вильгельм, пока они разговаривали, помог Майку освободить стол. И вскоре был занят подготовкой к мессе. Когда Марина повернулась, было почти всё готово. Настоятель, уже

одетый для мессы стоял разговаривая с Николь. Она сидела не глядя на него и как будто его не слышала. Майк зажигал свечи.

Марина тихими шагами подвинулась поближе и устроилась на кресле у стены – их там стояло три штуки, рядом с вешалкой. Майк прошёл следом за ней, сел, поставив локти на колени. Отец Вильгельм повернулся в сторону поставленного на столе креста, задумался, сцепив пальцы.

Дверь открылась и снова тихо вошёл Стив, оглядел преобразившуюся палату. Отец Вильгельм миг смотрел на него, в ожидании, затем сказал, определив, что, видимо, Стив остаётся:

– Ты всех милуешь, Господи, и ничем не гнушаешься, что сотворил; и покрываешь грехи людей ради покаяния и всё щадишь; потому, что Ты Господь Бог наш.

Стив посмотрел на Марину и она, печально улыбнувшись ему, прижала палец к губам. Он оторопело кивнул. Марина тихонько похлопала по другому стульчику, стоявшему рядом, Стив покачал головой и оперся спиной о стену, наслаждаясь вдруг возникшей здесь внутренней тишиной. В госпитале есть часовня, странно, что настоятель устроился прямо здесь. Но это было хорошо. Отец Вильгельм едва заметно улыбнулся, развёл руки в стороны и сказал негромко:

– Господь с вами.

Месса началась. В тишине раздался тихий вскрик: Николь плакала. Марина со страхом оглянулась на неё. Может после этого ей станет легче? Она так и проплакала всю мессу, не останавливаясь, не всхлипывая больше, но и словно бы не обращая внимания на то, что происходит вокруг неё. Марина подозревала, что она все-таки отдаёт себе в этом отчёт, поскольку её плач был так тих, что она не отвлекала и в некоторые моменты, когда Марина углублялась в молитву, она забывала о Николь. Потом, "выплыв", обнаруживала вдруг – Николь всё ещё плачет. Это были слёзы такого глубокого отчаяния, что Марине становилось больно. Майк так же, не шевелясь, сидел возле кровати Джефа, рядом с Мариной. Незаметный, тихий, отстранённый. Сначала Марине показалось, что ему всё равно, и он из вежливости сидит тут, просто потому, что не хочет выходить. Но при первых словах мессы он встал и, странно, всё повторял вместе с Мариной, словно знал чин мессы наизусть. Это почему-то было приятно и ей стало чуть веселее. Наверное, сознание того, что они с Николь не одни в своих молитвах утешило её. Марина так и просидела ночь на кресле в палате. Несколько раз она вставала, пытаясь уговорить Николь прилечь и отдохнуть. Николь словно и не слышала её уговоров, не реагировала на её объятия, но когда Марина пыталась поднять её с кровати, Николь вырывалась, молча, с неожиданной силой, ни разу не оторвав взгляда от Джефа.

Такая Николь пугала Марину не меньше состояния, в котором находился Джеф.

– Оставь её в покое, – посоветовал, наконец, шёпотом Майк, наклонившись к Марине. – У неё просто шок. Она всё равно сейчас ничего не воспринимает, кроме него. Пусть сидит.

Пару раз Марина всё же задремала, каждый раз просыпаясь от какого-то смутного испуга. И каждый раз видела Николь, сидящую на краю кровати Джефа, чуть покачиваясь: вперёд-назад, вперёд-назад. И как ни странно, Марина неожиданно успокаивалась, словно зрелище Николь, бодрствующей возле кровати вселяло в неё веру, что всё будет в порядке. Майк сидел напротив Николь, обхватив голову руками и, кажется, так за ночь и не шевельнулся.

Утром госпиталь проснулся. Было ещё совсем темно, но из коридора уже доносились шаги, металлическое бряканье провозимых тележек, голоса, шорох колес. Для Джефа тёмное утро началось с уколов. Пришла медсестра, проверила аппаратуру, поправила датчики, наклеенные на его тело, измерила ему температуру, вложив в рот термометр. Поставила два укола, объяснив Николь, что это такое и для чего ставится. Записала всё это в карту, лежащую в специальном ящике, прикрепленном в спинке кровати.

Николь заметила сиделку, как только она вошла, и сразу словно очнулась.

Оказывается, уже утро. С улицы лился фонарный свет – рассвет ещё на наступил. Николь внимательно проследила за всеми действиями сиделки тревожными глазами.

Когда начало светать, Марина вынуждена была уехать. Ей хотелось поговорить с отцом Вильгельмом, нужно было дать задание секретарше, потому, что она вряд ли сможет сегодня работать и, наконец, в ней нуждался Том.

– Я приеду после обеда, – сказала она, обнимая Николь. – Тебе нужно будет отдохнуть.

Утро, воцарившись и снабдив госпиталь обходящими больных врачами, принесло новые огорчения. Во время обхода, врач, сопровождаемый двумя сестрами и стажером, внимательно оглядев Джефа, задумчиво сказал, что "что-то всё это мне не нравится. Кома с такими повреждениями..." Кома! Николь в панике уткнулась в плечо Майка. Потом схватила за телефон. Мама!

– Успокойся дорогая, – сказала ей Марина. – Я скоро приеду.

И тут же добавила, перебив разом то невразумительное, что бормотала Николь про кому.

– Ну и что? Я знаю. Он же жив! Что ты тогда ревёшь? Успокойся, я скоро приеду. – Голос у неё был странный: глухой и говорила она невнятно, словно старалась скрыть слёзы.

– Мама! – Позвала Николь, уже слушая гудки.

Бедная мама, кажется, совсем не в курсе, что такое кома. Жив! Жив?! Да он жив только благодаря этой системе жизнеобеспечения, к которой он подключён, которая помогает ему дышать.

Господи Джеф, только не умирай, пожалуйста, пожалуйста, живи!

– С ним всё будет в порядке. Вот увидишь, – сказал над её ухом Майк.

Николь посмотрела на него. Стоит, бледный, глаза красные. Он сам всю ночь не спал, так и сидел рядом с ней. Она не видела его, но чувствовала его присутствие. Сколько у него вчера крови взяли? Как он выдержал это всё, ведь в Джефе его жизнь?

– Правда? – Спросила она тихо и не зная, что плачет.

– Ему есть за что бороться. Только помоги ему немного, помоги выцарапаться, – он вздохнул и потёр рукой лицо. – Я пойду пройду. Принести тебе поесть?

Она покачала головой: какая ещё еда?

Села на край кровати, глядя на Джефа. На лбу повязка. Огромный, вздувшийся кровоподтек под правым виском. Какое счастье, что осколок камня попал именно сюда. Ещё несколько сантиметров выше и ... Она прерывисто вдохнула, не чувствуя горечи своих слёз. Тонкие продольные царапины через правую щеку, обработанные чем-то – покрасневшая кожа натянулась и блестит. После ухода Майка стало почему-то неожиданно тихо, даже тягуче шипящие звуки аппарата для вентиляции легких не нарушали эту тишину.

Николь вдруг стало так страшно, что она готова была закричать, заорать, просто завизжать от страха: режущая тишина снаружи и оглушительный крик паники, который звучит в ней, забывая все мысли. Она торопливо зажала себе рот руками, поскольку даже не знала, молчит она или действительно визжит и так сидела, рядом с ним, кусая собственные пальцы, рассматривая его лицо и, в ужасе, находя в нём признаки слабости, зависимости, бессилия. Она не привыкла видеть его таким. Вспомнилось, как Джеф занимался своими каждодневными упражнениями, то в сорочке с расстёгнутым воротником и подвёрнутыми рукавами, то полураздетый – казалось на его торсе работает каждая мышца.

Куда делась вся его сила? Она рассматривала его страдание и боль, мысленно увеличивая от страха каждый, самый маленький этот признак. Ей жутко было дотронуться до него. Он же уже умер! За него дышит электричество! Перевела торопливо глаза на маленький тёмный экран, где рисовала зелёные зигзаги круглая точка сигнального зайчика. Нет, он жив! Он жив! Пока этот зайчик скачет, а не вытянулся в сплошную линию – Джеф жив.

Она, стиснутая внутри своего ужаса, наблюдала как сиделки ухаживают за ним, проводила глазами судно с красноватым содержимым после того, как в него вставляли всевозможные

трубочки. Такие огромные инструменты! Такие длинные! И их можно воткнуть в человека? Как это всё там помещается?! Ему же больно. Или не больно? Наверное, он очнулся бы от боли? Господи! И это Джеф! Её Джеф! Может, если она будет держать его ему будет легче? Николь с трудом заставила себя помочь сиделке, которая пришла с ножницами, чтобы просто состричь его волосы, покрытые коркой крови возле правого виска. Остричь Джефа?! Чтобы он стал ещё больше неузнаваемым?

– Дайте мне, – тихо, но твёрдо сказала она.

Взяла в дрожащие пальцы холодное железо. И отложила. Начала отмывать мокрыми салфетками ржаво-коричневые пряди. Это было тяжело: кровь плохо смывалась, высохшая, въевшаяся, склеившая волосинки. Под её настойчивыми усилиями отрывалась маленькими кусочками от общей корки, снималась, скользя в пальцах.

Её не выгнали из палаты, пока занимались им, благосклонно приняв её неумелую помощь: наверное, у неё был такой вид, что её просто пожалели. Майка попросили выйти. Николь серьёзно сомневалась, что её усилия не бесполезны. Собственно, она возилась с его волосами, пытаясь отвлечься. Хоть что-то делать, только бы сидеть тут, с ним, а не ожидать в коридоре. Но отвлечься не получалось. Его голова легко и сильно покачивалась от её движений, слёзы всё капали и капали, прямо на его лицо, на повязки, на волосы, на раны, из-за чего сиделки, посмеиваясь, ей делали замечания. Ей удалось всё же кое-как немного отмыть кровь и Джеф стал выглядеть на её взгляд не так ужасно.

Она сидела рядом в неудобной позе, даже не ощущая этого. Боязливо прикасалась к нему и такими невесомыми движениями умывала его ватным тампоном, что вконец развеселила сиделок. Оглянулась на них, изумлённая: как можно шутить и смеяться, если так страшно? Но странно, она и сама пару раз истерично хихикнула, заразившись на мгновение их смехом. Сразу пришёл на ум Хайнлайн, утверждавший, что люди смеются от того, что им страшно. Когда она читала подsunутого ей Джефом "Чужого среди чужих", ей подобное умозаключение показалось нелепостью. Сейчас она была согласна с ним.

Ей показали не только как умыть Джефа, но и как обрабатывать его тело.

Это было настоящее испытание. Только вчера Джеф двигался, улыбался, носил её на руках, а сегодня он лежит, откинув голову и, как утверждает сиделка, даже не чувствует её прикосновений. Было так тяжело, что хотелось бежать, далеко и долго, чтобы не видеть всего этого. Она впервые подумала о его нынешней уязвимости, о его беспомощности и зависимости от неё и от врачей. Не той прежней зависимости, которая демонстрировала его силу и самостоятельность, а сиюминутной, вынужденной и потому более страшной. Прекрасно, она удержит, как ребёнок прятать голову под подушкой, а Джеф очнётся. А вдруг он умрёт?! Этот светлый зайчик вытянется с противным писком и это будет уже всё? Что она будет делать тогда?!

Николь, едва удерживая сознание на зыбкой границе ужаса и паники, поспешно попыталась отогнать эти мысли. Ощувив, наконец, текущие по щекам слезы, она обнаружила, что бормочет второпях, знакомую с детства молитву – ангельское приветствие, почти глотая некоторые слова:

– Ангел Господень возвестил Марии,

И она зачала от Духа Святого.

Радуйся, Мария, благодати полная, Господь с тобою!

Благословенна ты между женами и благословен плод чрева твоего Иисус!

Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас грешных ныне и в час смерти нашей.

Аминь.

Вот Я Раба Господня; да будет мне по слову твоему.

Радуйся, Мария, благодати полная, Господь с тобою!

Благословенна ты между женами и благословен плод чрева твоего Иисус!

Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас грешных ныне и в час смерти нашей.

Аминь.

И Слово стало плотью и обитало с нами.

Радуйся, Мария, благодати полная, Господь с тобою!

Благословенна ты между женами и благословен плод чрева твоего Иисус!

Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас грешных ныне и в час смерти нашей.

Аминь.

Моли о нас Пресвятая Богородица.

Да удостоимся Христовых обещаний.

Стало немного легче, но надоедливые слёзы всё равно так и текли по щекам. Ох, Джеф, удостоимся ли мы Христовых обещаний?, мы, великие грешники.

Вернулся Майк и тихо сел напротив неё возле постели. Николь его даже не заметила, продолжая рассматривать Джефа. Наверное, ей помогло то, что она через силу заставила себя притрагиваться к нему. Страх неожиданно отступил, оставив после себя опустошение. Ей показалось, что нужно заполнить эту пустоту внутри. Хоть осмотреть Джефа, он тоже всегда оглядывал её, когда она творила свои глупые ссоры с папой.

Сиделки ушли и теперь она могла сделать это поподробнее и спокойно, не отвлекаясь на выслушивание их советов и не гадая, что там осталось незамеченным за локтем, плечом или рукой сиделки. Николь отодвинула широкий ворот его больничной пижамы, но так было ничего не видно, и она нетерпеливо приподняла нижний край длинной рубахи, подтягивая к его подбородку. Вся правая сторона груди Джефа была покрыта причудливыми синими разводами и, кажется, даже кожа была зеленоватой. Резко пламенели рыжеватые волосы на животе, груди и плечах.

– Ему здорово досталось. Но почему такой рисунок? Это вены? Надо будет спросить у врача, – сказал рядом Майк.

Николь подняла голову, чтобы взглянуть на него. Но отвечать не стала, потому, что Майк у неё ничего не спрашивал, а просто искал её сочувствия. Она просто протянула руку и обняла его за шею, одновременно притягивая его к себе. Поцеловала седую макушку, мимолётно удивляясь тому, что его запах немного похож на запах Джефа. Майк вдруг задрожал, рефлекторно обхватив её руками и прижался лицом к её плечу. Николь сидела на кровати, обняв его за шею и слушала его судорожные выдохи. Гладила его суховатые лёгкие волосы, привычно бессознательно пропуская в них пальцы, как в волосы Джефа. Всё правильно: он поддерживал её, когда она плакала. Теперь её очередь. Сколько лет он сдерживал слёзы, сцепляя зубы? Бедный Майк! Как ему больно. Бедная она! Как ей страшно. Ей самой было удивительно ощущать это эмоционально-опустошающее оглушительное спокойствие.

Наверное, эта ночь вытянула из неё все силы.

– Ну, что ты? – Спросила она, когда Майк отодвинулся.

Заглянула ему в лицо. Вытерла слёзы. Ей было безмерно жаль его и жаль саму себя, все остальные чувства подавлял страх за Джефа.

– Спасибо, Ники, – хрипло шепнул он. – Вот увидишь, всё будет в порядке.

Вот и Джеф выражается также: всё будет в порядке. Раньше выражался. Нет, и сейчас. И как интересно будет в порядке? Кто бы говорил, не этот ли седой тип только что поливал её своими слезами? Они помолчали, глядя друг другу в глаза. Ей так и хотелось спросить его: "а ты сам-то веришь в это или просто так, чтобы меня утешить?"

Она не сказала этого, чтобы не лишать его надежды. Ему обрести надежду труднее, чем ей. Майк такой же скептик, как и Джеф и когда только один без надежды, ему легче, а если он будет уверен, что и она без надежды, он может впасть в полное отчаяние.

Она сказала совсем не то, что крутилось на языке:

– Мне просто страшно, – сказала шёпотом, словно стараясь, чтобы не услышал Джеф.

Как ни странно, но она поверила сиделкам, что он ничего не чувствует.

Значит ему не больно. Но вдруг он всё слышит? Его можно было не жалеть: ей никогда такое не приходило в голову. Но будущего нужно было бояться.

– Всё будет в порядке, – повторил Майк. – Вот увидишь. Джеф очень упрямый. Ему умирать не хочется.

Он помолчал, рассматривая её бледное лицо и испытывая безмерную благодарность за то, что она просто посочувствовала ему. Не потому, что он ей нравится. Не потому, что лишь только пожалела, как человек. Не потому, что у него есть деньги. А просто поняла его боль. И разделила её, не задумываясь. Он обязан был позаботиться о ней, потому, что сам Джеф сделать это сейчас не в состоянии, потому, что когда Джеф очнётся, он спросит с него.

Майк тихо спросил, пытаясь отвлечь её:

– Собирался же ещё кардиолог его осмотреть. Приходил?

Николь покачала головой.

– Лечащий врач тоже обещал зайти ближе к полудню.

30

Врач действительно зашёл ещё раз, как и обещал утром на обходе, привёл кардиолога. Он проверил сердцебиение Джефа, назначил какие-то капельницы и удалился, сказав, что придёт проверить состояние Джефа ещё. Лечащий врач оказался обстоятельным, очень толково расписал, чем чреваты такие удары током, когда рассказывал, откуда взялись эти ветвистые разводы на коже.

Николь выслушала его с ужасом. Ничего хорошего для Джефа это не значило. Только кучу проблем с осложнениями. Господи! Помоги, Господи! пожалуйста, пожалуйста, избавь его от его боли. Конечно, болезнь учит чему-то человека. Но чему можно научиться, лежа без сознания? Тут она подумала, что болезнь Джефа послана не ему, а ей. Для того, чтобы она сама посмотрела на них с Джефом со стороны, поразмышляла об их отношениях.

Это было ещё хуже: понять вдруг, что это её вина. Что Джеф, как подопытный кролик, участвует в грандиозном опыте, предназначенном научить чему-то её. Чему?

Читать от слёз она не могла. Молитва всё время уплывала от неё, оставляя ей только исторгаемые сердцем стоны. Почему-то вспомнилась "Песнь Песней", которую она знала почти наизусть.

"Отпёрла я возлюбленному моему,
а возлюбленный мой повернулся и ушёл.
Души во мне не стало, когда он говорил;
я искала его и не находила его;
звала его, и он не отзывался мне.
Встретили меня стражи,
обходящие город;
избили меня, изранили меня;
сняли с меня покрывало
стерегущие стены.
Заклинаю вас, дочери Иерусалимские:
если вы встретите возлюбленного моего,
что скажете вы ему?
что я изнемогаю от любви."

Он лежал и слушал, не слыша и лицо его было спокойным. Он был тёплым, даже не очень бледным, словно просто спал.

Если бы только не это постоянное, постоянное шипение, такое же разнообразное, как и дыхание. Сильнее-слабее, глуховато-вязко, надсадно-давяще, с шелестом и ритмичным попискиванием сигнала. Джеф, открой глаза!, посмотри, посмотри на меня, мне так страшно!

– Положи меня, как печать, на сердце твоё, – прошептала она, глядя на Джефа.

Майк поднял голову, присматриваясь к ней.

– Как перстень, на руку твою: ибо крепка как смерть, любовь.

Она не замечала стынувших струек на своём лице, только почему-то Джеф расплывался, теряя очертания и словно отдалялся от неё, да ещё противно щекотало в носу.

Николь сидела, покачиваясь и говорила, словно сама с собой. Она сейчас была похожа скорее на сумасшедшую, чем на нормальную и у Майка, смотрящего на неё, болезненно сжималось сердце. Николь всё шептала и шептала и он едва разбирал слова, так тихо она говорила:

– Большие воды не могут потушить любви,
и реки не зальют её.

Если бы кто давал всё богатство дома своего за любовь,
то он был бы отвергнут с презрением.

Когда перед обедом заглянули Том с Мариной, Том попытался забрать Николь домой. Он поглядывал на Майка, словно в поисках поддержки и уговаривал поехать домой. Перекусить, как он говорил, передохнуть. Выспаться, наконец. Николь словно не слышала его, сидя молча. Но когда он взял её за руку, вырвала её и уставилась на него такими мрачными глазами, что Том сразу понял: спокойными уговорами тут не обойтись. Снимать ремень и заставлять идти её силой было невозможно. Госпиталь не слишком подходящее место для такого рода убеждений. Он стоял, досадуя и пытался придумать способ, как заставить её делать то, что нужно, как к нему подошёл Майк. Положил на плечо руку.

– Не трогай её сейчас, не надо, – посоветовал он, – пусть.

– Я могу с ней остаться, – сказала Марина, утешая Тома.

И Том поехал домой один. Заглянул в пустом доме в одну комнату, в другую.

В комнате Николь не то, чтобы чувствовалось её отсутствие, нет. Но там ясно просматривалась какая-то временность. Некоторых вещей не хватало, знакомых, ненужных, которые сопровождали Николь все годы из одного дома в другой. Том не знал, что она с ними сделала: выбросила или увезла к Джефу. Но от этого тоже было грустно. Он походил неприкаянно и спустился к бару. Ему вдруг показалось, что вся его семья, которую он создавал и берёт, вдруг исчезла. Может, он все эти годы обманывал себя? Марина явно была с Николь, а он был один, как в противостоянии.

Николь так и осталась в госпитале, наотрез отказавшись вернуться домой и завтра, и послезавтра.

Длинные дни тянулись как резина. Николь казалось, что они увеличились настолько, что представить себе невозможно. Она совершенно потеряла счёт времени. Ей казалось, что утро наступает тогда, когда надо умыть Джефа. Его температура скакала и умыть его приходилось по четыре-пять раз в день. Как ни странно, её это радовало – разве скачет температура у умерших? Значит, он жив! А если жив, надо бороться! Она и боролась, ставя себе маленькие цели, достигая которых можно было загадывать что-то хорошее: если я его вымою за час, то Джеф очнётся. Если сегодня врач скажет, что пролежней нет, то он очнётся. Если она, пока его переворачивает, успеет прочитать "Отче наш", то он очнётся... И она старалась, неосознанно подгоняя сама себя, запихивая себя в рамки небольшого события, в границы определённого для самой себя времени. Это было настоящее жульничество со своим собственным мозгом, со своими убеждениями, с Богом, но Николь даже не замечала этого. А Майк ей ничего не говорил – у всех свои способы самоуговоров от отчаяния. Его просто впечатляла её бытовая стойкость и он старался поддержать её, как мог.

Одни только повороты Джефа на постели отнимали столько сил, что когда ей удавалось повернуть его, она буквально падала, обессиленная. Джеф был просто неподъемно тяжёл. Ей помогал Майк. Вообще-то это была работа сиделок, но Николь всё время казалось, что они переворачивают его редко. Она боялась пролежней. Придирчиво осматривала его кожу в поисках покраснений.

Гипс при этих поворотах, с виду такой красивый, белый, изрисованный личными подписями врачей, врезался в его кожу с неизменной твёрдостью, оставляя резкие вмятины. Иногда в отчаянии она обнимала Джефа за голову, зарываясь по привычке в эти кудрявые волосы, прятала там лицо, мечтая, что сейчас она выпрямится и наткнётся на его улыбочивый взгляд. Но время шло, а он всё лежал так же недвижно, то пылающий, пугая её температурой, то ледяной настолько, что у него синели лунки ногтей. Страшнее всего было ночью. Иногда он стонал, так было раз или два после полуночи. Вернее, трудно даже было назвать эти звуки стонами, просто какой-то инфразвук, леденящий кровь. Она дрожала, слушая это. От страха и от надежды, но проходило время, и надежда таяла, не оправдываясь.

Мелкие, ежедневные, хоть и трудоёмкие заботы отвлекали от боли. Постепенно слезы истощились – невозможно же плакать вечно. Их сменила пустота и это было ещё хуже. Она стучала, стучала, стучала Джефу. А он – молчал. Он не слышал её, поглощённый какими-то своими видениями. И Николь казалось, что она кричит в пустыне, а вокруг только ерошит с шелестом ветер песок. И этот шорох напоминал шорох пальцев, когда делаешь массаж головы. Она боялась остаться без дела, жаль только, что вся её работа возле Джефа была чисто физической, оставляя свободными мозги для раздумий.

Она пыталась совмещать два дела сразу: мыла его и читала ему. Переворачивала и бормотала молитву. Её так поглощали эти труды, что становилось трудно общаться с людьми. Она просто зверела, если приходил кто-то и начинал говорить ей что-то, когда она пыталась достучаться до Джефа.

Приходилось выныривать, отвлекаться от более важных дел, выслушивая какие-то глупости: "что тебе принести? Давай сходим вниз в ресторан, ты хоть поешь? Пойдем прогуляемся, ты же даже не выходишь на улицу." Николь пару раз поймала себя на том, что она рявкнула на Марину, отмечая надоедливые предложения. Эти скачки настроения заметил и Майк, посоветовав ей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.